

Алексей Евтушенко
Стража реальности

«Автор»

2007

Евтушенко А. А.

Стража реальности / А. А. Евтушенко — «Автор», 2007

«Стража Реальности» – новый роман автора завоевавших небывалый успех у читателей «Отрядов». Алексей Евтушенко остался верен себе: вместе с героями книги читателям предстоит совершить грандиозный прорыв из привычной реальности в бесконечную череду параллельных миров! Случайная встреча со странным незнакомцем в ночном подмосковном лесу навсегда изменила привычную жизнь компании друзей. Теперь Маше, Женьке и Никите предстоит стать командой единомышленников, принять участие в реальных боестолкновениях как с «чужими», так и со «своими», и доказать свою профпригодность для тайной и очень ответственной службы Стражей Внезеркалья – хранителей Вселенной.

© Евтушенко А. А., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Евтушенко

Стража Реальности

Моим друзьям посвящается

*Тогда иди – есть и другие миры, кроме этого.
Стивен Кинг «Темная башня»*

Глава 1

Пистолет без доброго слова

– Здр-равствуй, родина, – с чувством сказала Маша и выжала педаль тормоза. Машина послушно остановилась.

В свете фар лужа впереди казалась маленьким грязным озером, соваться в которое на нежной южнокорейке с передними ведущими колесами совершенно не хотелось.

– Надо же, – удивился Женька. – Всего-то два часа не самого сильного дождика, а какой великолепный результат! «Кэмел-Трофи» да и только. Вперед, старушка, здесь должно быть неглубоко.

– «Жигули» тебе старушка, – объяснила Маша. – Или жена, когда появится. Откуда этот допотопный жаргон? А еще писатель с журналистом. Два, блин, в одном.

– Не будем нервничать, – попросил Женька. – Ты за рулем, тебе вредно. Да и какой из меня писатель? Так, одни понты. Вот журналист – это да.

– Надо же, какие мы самокритичные! – с усмешкой покосилась на него Маша. – Не скромничай. Пара-тройка твоих рассказов очень даже ничего. Журналист так не напишет – только писатель.

– Спасибо на добром слове. Польщен и таю. Но ты все равно не нервничай, ладно? Торопиться нам особо некуда.

– А на работу завтра?

– Так это ж завтра, – резонно заметил Женька. – А сейчас только двадцать два часа и двадцать пять минут. И вообще, какие проблемы? Перед нами здесь несколько машин прошло.

– Вот именно, что перед нами.

– Вообще-то, есть другая дорога, – сообщил с заднего сиденья Никита. – Лучше.

– Сразу нельзя было сказать? – поинтересовалась Маша.

– Думал, проедем, – сказал Никита. – Здесь-то гораздо ближе. А другая – в объезд. Далеко и через лес.

– Хрен с ним, с объездом и лесом. Главное, чтобы не утонуть.

– Тогда разворачивайся.

На дачу Никиты они приехали в ночь с пятницы на субботу. Погода на выходные не подвела, и отдых удался. Но перед отъездом неожиданно зарядил дождь и очень быстро превратил вполне нормальную грунтовку, идущую к шоссе, в обычный русский непролазный тракт.

– К полуночи хоть до Москвы доберемся с твоим объездом? – осведомилась Маша, когда они в обратном направлении миновали невеликий дачный поселок и свернули на узкую, заросшую травой дорогу, ведущую в лес.

Здесь действительно можно было проехать без риска застрять в грязи.

– Куда мы денемся, – ответил Никита. – Конечно, если ближе к городу не встанем в пробке. Оно вроде бы и не должны в это время, но всякое бывает, как ты понимаешь.

– Да, – вздохнул Женька. – Автомобилей в Москве развелось, как собак нерезаных.

– А собак нерезанных – как автомобилей, – сказал Никита.

– У нас собаки, – заметила Маша. – А где-то лисы и даже еноты. Я читала, нишу обязательно будет кто-то занимать. И кто лучше?

– Не знаю, – сказал Женька. – Я не жил в городе с лисами. Тем более с енотами. Собаки привычнее в любом случае.

– У одной моей знакомой жил енот, – сообщил Никита.

– Да ну? – удивилась Маша. – И где она его взяла?

– Привезла откуда-то с Черноморского побережья. В Подмосковье еноты не водятся – холодно им тут.

– Тут и людям холодно, не то что енотам, – вздохнул Женька.

Дорога нырнула в лес, и Маша еще сбросила газ, хотя и до этого ехала не быстро.

И, как выяснилось буквально через пару километров, правильно сделала.

Мужчина в плаще и с рюкзаком за плечами неожиданно шагнул на дорогу прямо из кустов. Заметить его раньше не было никакой возможности – уже стемнело, и дорога в этом месте делала поворот. Но все бы, наверное, обошлось, не поскользнулся он на мокрой глине.

Пока человек махал руками и пытался удержать равновесие, а Маша с криком «б...дь!» жала на тормоз, автомобиль все-таки ударил мужчину в бок. Вроде бы не очень сильно, но незадачливый лесной пешеход упал, а столкновение восьми центнеров металла и пластика с телом ощутили в салоне все. Впрочем, в ту же секунду машина остановилась.

– Я гляну, – сказал Женька, дотронувшись до окаменевшего Машиного плеча, и полез наружу.

Вслед за ним выбрался из машины и Никита.

Мужчина неподвижно лежал на спине. Рядом с ним валялся выпавший из руки, но продолжающий гореть электрический фонарик.

«Лет сорок с лишним дядьке на вид, – определил Никита. – Господи, неужели мы его...»

Не открывая глаз, мужчина отчетливо застонал и шевельнул рукой.

– Слава богу, – сказал Женька.

Рюкзак пострадавшего был старого, еще советского образца, очень тяжел и набит чем-то твердым и на ощупь железным.

– Как, по-твоему, – спросил Никита, когда они освободили мужчину от брезентовых лямок и отволокли его и рюкзак на обочину, – на что это похоже?

– На автоматные цинки, – тут же сообразил, о чем его спрашивают, Женька. – Кто таскал и вскрывал – не забудет. Я бы сказал, что в этом рюкзаке – четыре цинка по семьсот патронов в каждом.

– Калибром пять сорок пять, – добавил Никита.

– Да уж, – согласился Женька. – Семь шестьдесят два были бы тяжелее.

– Специалисты, – фыркнула Маша, которая к этому времени обрела дар членораздельной речи и тоже вышла из машины. – Оружейники. Лучше скажите, что с ним. А то мне в тюрьму очень не хочется.

– Ударился вон о тот камень головой, – показал Женька. – Не смертельно. Сознание, как видишь, потерял, но жить будет. Думаю, отделается сотрясением мозга. В крайнем случае.

– Да здравствует свобода, – сказала Маша. – Может быть, отвезем его в больницу? От греха.

– Нет, – отчетливо произнес незнакомец. – Никаких больниц.

– Оказался он живой, – процитировал Женька.

– Как вы? – спросил Никита и присел рядом с пострадавшим на корточки. – Трудно, наверное, не заметить на ночной дороге в лесу машину, едушую с включенными фарами?

– Я спешил, – глухо произнес мужчина. – Поэтому и поскользнулся. Вы ни при чем, сам виноват.

– Слава богу, что вы это признаете, – сказал Женька. – Но вы целы? Давайте мы отвезем вас куда надо. Что у вас болит?

– Голова, – пожаловался мужчина. – Болит и кружится. Но это не важно. Помогите мне сесть.

Сильный Никита приподнял мужчину и прислонил спиной к ближайшему дереву.

– Давайте мы все-таки отвезем вас в больницу, – сказал он. – Или хотя бы домой. Где вы живете?

– Туда, где я сейчас живу, на машине не доедешь, – негромко, но отчетливо произнес странный незнакомец. – Дайте мне, пожалуйста, фонарь.

Женька подобрал и подал фонарь.

– Черт, – озабоченно сказал мужчина, посветив себе на часы. – Времени совсем мало. Если я не успею... Вас трое? Отлично. Самый сильный пусть возьмет рюкзак. А двое остальных помогут мне добраться до... В общем, здесь недалеко. Я бы и сам, но голова очень кружится. Боюсь, не дойду, а от этого слишком многое зависит.

– Послушайте, – Маша постаралась придать голосу максимум убедительности. – Вы ударились головой о камень, и это может быть очень опасно для здоровья. Я думаю, что вам нужно в больницу. Пусть врач посмотрит, а потом...

– Мы теряем время, – нетерпеливо перебил мужчину. – Которого и так почти не осталось. Девушка, не надо рассуждать. Надо просто сделать то, о чем я прошу. Возьмите рюкзак и помогите мне встать и дойти. Повторяю, здесь недалеко.

– В рюкзаке у вас автоматные патроны, – произнес Женька нарочито скучным голосом. – Хотелось бы знать, откуда и зачем.

– Любопытной Варваре на базаре знаешь что сделали? – осведомился мужчина. – Дьявол, не хотелось, но вижу, что иначе нельзя. Эх, угораздило меня...

Его рука юркнула за отворот плаща и появилась обратно уже с пистолетом.

– Что за шутки! – возмутилась Маша. – Немедленно уберите оружие и...

Мужчина выстрелил, и пуля смачно влипла в левую переднюю дверцу машины. Маша вскрикнула.

– Следующая достанется вам, – пообещал незнакомец. – Можете в этом не сомневаться. Убить, может, и не убью, но больно будет долго. Все, хватит болтать. Ты, – он указал стволом на Женьку, – вместе с девушкой берите рюкзак. А ты, – кивок Никите, – помоги мне встать. Сейчас же. И учти – пуля в стволе, предохранитель снят и колебаться я не стану.

Они шли через лес почти точно на север, как определил Никита. Правой рукой он, словно крепко подвыпившего друга, обнимал мужчину за талию. Незнакомца заметно шатало и, если бы не поддержка Никиты, он бы наверняка упал. Впрочем, с каждой минутой ступал он все тверже, а уж ствол пистолета упирал в бок Никите очень уверенно с самого начала.

Идти и на самом деле оказалось недалеко.

Через пару сотен шагов местность стала заметно повышаться, и Никита припомнил, что в поисках грибов где-то здесь рядом он пару раз наткнулся на пригорок, на вершине которого имеется полуоплывшая, еще с войны, большая воронка. Скорее всего, от мощной немецкой авиабомбы – в 41-м здесь шли жесточайшие бои, и в окрестных лесах до сих пор на каждом шагу попадались и воронки от снарядов и бомб, и окопы, и остатки траншей.

Что мог забыть ночью на этом пригорке их внезапный ночной встречный, было трудно объяснить, но торопился он именно сюда. Потому что на краю воронки он остановился и сказал:

– Все, добрались. Кажется, успели.

– И что дальше? – хмуро осведомился Женька.

– А дальше спихивайте рюкзак в воронку и как можно скорее шагайте назад – к своей машине. Садитесь в нее и уезжайте. И забудьте о нашем знакомстве.

– Это вряд ли, – сказала Маша.

– Как вам будет угодно, – не стал возражать незнакомец. – Ну, чего вы ждете? Идите отсюда.

Они развернулись и молча пошли вниз. Маша подсвечивала дорогу фонариком, который вместе с сумочкой догадалась прихватить из машины с самого начала, и Никита с Женькой держались поближе к ней.

– Как-то это все унизительно, не находите? – осведомился шепотом Женька, когда троица спустилась с пригорка.

– Добрым словом и пистолетом, – ответил Никита, – можно добиться больше, чем просто добрым словом. Не помню, кто это сказал.

– У него разве нашлось для нас доброе слово? – фыркнула Маша. – Что-то я не заметила.

– Стойте, – негромко сказал Женька. – Не знаю, как вы, а я так не могу.

– Как именно? – спросила Маша.

– Да вот так. Сказал нам взрослый дядя идти, мы и пошли.

– У взрослого дяди большой и настоящий пистолет, – напомнил Никита.

– Плевать, – Женька остановился и тихо, но быстро продолжил: – Мой репортерский нюх просто-таки вопиет о сенсации. Подумайте сами. Что делать ночью в лесу человеку с рюкзаком автоматных патронов и пистолетом? Да не просто в лесу, а в старой воронке от авиабомбы, куда ему необходимо было попасть к определенному времени. – Он вытащил из набедренного кармана своих штанов-карго мобильник и щелкнул крышкой. – Вот. К одиннадцати часам и двенадцати минутам. А?

– Понятия не имею, – признался Никита. – Но скажу честно, что соваться туда мне лично не очень хочется. И тебе не советую. Я не люблю, когда стреляют в меня или в моих друзей.

– Брось, – сказал Женька. – Какая стрельба? Он пугает только, это же сразу видно. Я только одним глазком...

Бау-у-у...

Звук, как будто кто-то нечаянно задел струну бас-гитары, донесся со стороны пригорка, и они разом обернулись.

Как раз вовремя, чтобы заметить угасающий за деревьями сполох неяркого зеленоватого света.

– Я мигом, – шепотом пообещал Женька и решительно двинулся в сторону пригорка.

– погоди, – ухватил его за плечо Никита. – Идти, так вместе.

– Вот именно, – согласилась Маша. – Я тут одна не останусь, и не надейтесь.

К воронке они подобрались так тихо, как только сумели, и света от выглянувшей из-за туч луны вполне хватило, чтобы разглядеть – на дне никого нет.

– Вот те раз, – пробормотал Женька. – Маш, дай-ка мне твой фонарик. – Он немного подумал и добавил: – Пожалуйста.

Но и с помощью фонарика они не смогли обнаружить даже малейших следов незнакомца.

– Ничего не понимаю, – в полный голос признался Женька. – Он же еле шел, мотало его. Да еще и рюкзак с патронами. Куда делся?

– Очухался и свалил, – предположил Никита.

– Или уполз, – хмыкнула Маша. – Действительно, странно.

– А это что? – заинтересовался Женька, направляя луч фонаря на дно воронки.

– Что? – спросил Никита.

– Да вон, чернеет.

– По-моему, это камень, – не очень уверенно сказала Маша.

– Камень... Он всегда здесь был?

– По-твоему, я должен знать каждый торчащий из земли камень в округе? – осведомился Никита.

– Каждый, не каждый... – пробормотал Женька. – Ну, ладно, ладно, сейчас посмотрим. Он спустился в воронку, присел на корточки и протянул к камню руку.

– Ам! – громко сказала Маша.

Женька дернулся.

Никита засмеялся.

– Дураки, – вздохнул Женька. – Оба.

И решительно приложил к камню ладонь.

– Холодный, – сообщил он через секунду. – И гладкий. Откуда бы здесь взяться такому камню, хотел бы я знать? На гранит не похоже.

– А на алмаз? – спросила Маша.

– Нет, не романтики вы, – вздохнул Женька. – Я вот нюхом чую, что здесь все не так просто.

– Бритву Оккама знаешь? – спросил Никита. – Советую воспользоваться.

– Бритва Оккама – вещь хорошая, – сказал Женька. – Но... Черт, мне кажется или он на самом деле дрожит?

– Кто? – нахмурилась Маша.

– Не «кто», а «что». Камень. По-моему, я ощущаю какую-то вибрацию.

– Мели, Емеля, твоя неделя, – усмехнулся Никита. – Вибрацию он ощущает...

– Да ты сам пощупай! – возмутился Женька. – Маш, или ты. Честное слово не вру!

Маша посмотрела на Никиту, тот пожал плечами.

– Хорошо, – сказала она. – Но если разыгрываешь...

Она аккуратно спустилась вниз и присела рядом с Женькой:

– Ну-ка...

Никита громко и длинно вздохнул.

– Чувствуешь? – нетерпеливо спросил Женька.

– Да погоди ты, не суетись. Тихо будь.

Несколько секунд тишину нарушал лишь ветерок, копошащийся в вершинах деревьев.

– Знаете что, друзья мои... – не выдержал Никита.

– Кажется, действительно что-то есть, – сказала Маша. – Едва ощутимо, но есть. Никита, иди сюда, попробуй.

– Интересный какой вечерок у нас выдался, – сказал Никита, спускаясь к друзьям. – То мужик с патронами, то воронка с камнями. Что дальше будет, интересно? Надеюсь, не берлога с медведями. Подвиньтесь-ка.

Женька и Маша освободили ему место, подавшись в стороны, но дотронуться до камня Никита не успел. Низкий, едва слышный гул зародился, как им показалось, где-то под ногами, резко набрал силу, окружил со всех сторон и плавно затих.

Как будто кто-то невидимый задел струну на гигантской бас-гитаре.

И вместе со звуком вспыхнуло над камнем зеленоватое облачко туманного света, заполнило воронку до самых краев и тут же пошло на убыль, пропало, исчезло, словно вода, выпущенная из раковины, как и не было ничего.

Глава 2

Дорога со странностями

– Мама, что это было? – процитировал старый анекдот Женька. – Нет, вы видели? Этот свет прямо из камня шел!

– И звук, – сказала Маша. – По-моему, звук тоже где-то там зародился, в камне этом.

– Фантазеры, – пробормотал Никита, забрал у Женьки фонарь, присел и ощупал предполагаемый источник странного звука и света.

Камень как камень. Ну, то есть не совсем, конечно. Во-первых, на удивление гладкая поверхность, словно отполированная. Во-вторых, ясно, что доступна лишь малая его часть, а сам он под землей, и не понятно, какой на самом деле величины. В-третьих, порода. Черный непроницаемый цвет. Во всяком случае, сейчас, при свете фонаря, он кажется черным. Базальт? Честно признаемся, что в камнях и вообще горных породах мы ни хрена не понимаем. Образование не то.

– Никакой вибрации я не чувствую, – сказал он и поднялся. – Хоть это ни о чем не говорит. Свет я видел, а звук слышал. Как и вы.

– Вывод? – спросила Маша.

– По-моему, надо ехать домой. Ночь – не самое лучшее время для полевых исследований и поисков незнакомых, вооруженных пистолетами людей. Предлагаю вернуться сюда в субботу днем и уже тогда тщательно все осмотреть.

– Н-да, – вздохнул Женька. – Жаль, но, кажется, ничего другого не остается.

Они выбрались наверх и не спеша направились к дороге, освещая себе путь Машиным фонариком.

Но машины на дороге не оказалось.

Они прошли сотню метров вперед, а затем назад, до самой опушки, но дорога была пуста.

– Неужели этот Индиана Джонс с рюкзаком и пистолетом ее угнал? – возмутилась Маша. – Типа отвлек сначала внимание, а потом... Хорошо еще, что застрахована и сумочку с деньгами и документами я на автомате с собой взяла. Но все равно хлопот теперь не оберешься.

– Гадай не гадай, а колес у нас нет, – заметил Женька. – В Москву же попасть сегодня ночью желательно по-любому. А почему Индиана Джонс?

– Хрен его знает, чем-то напомнил. Симпатичный мужчина, вообще-то. Хоть и немолодой.

– С тобой, подруга, не заскучаешь, – изумился Женька. – Хельсинский синдром?

– Вряд ли. Просто я стараюсь хотя бы иногда быть объективной.

– Для разнообразия? – догадался Женька.

– Ага.

– Можно вернуться на дачу, – предложил Никита, – а утром уехать на автобусе.

– Это на крайний случай, – сказал Женька. – Говорю же, мне рано утром надо быть в Москве.

– Мне тоже, – поддержала его Маша. – До трассы отсюда далеко? Может, удастся поймать машину. Неужто троих приличных молодых людей никто не подберет?

– Минут двадцать, – прикинул Никита. – А насчет подберет... Ты бы подобрала?

– Пока не попробуешь – не узнаешь, – туманно ответила Маша. – Не получится – вернемся на дачу. А?

– Решено, – сказал Женька.

Шоссе встретило их тишиной, нарушаемой лишь далеким скучным лаем собаки да их собственными шагами. За то время, что они провели в лесу, погода резко изменилась – подул теплый юго-западный ветерок, и небо очистилось от туч.

– Не густо транспорта, – определил Женька. – Здесь всегда так в это время?

– Черт его знает, – сказал Никита. – Но отчаиваться рано. Вон справа автобусная остановка с лавочкой, на которую можно сесть и подождать. Глядишь, и в самом деле кто-нибудь проедет и подберет. А нет, так вернемся на дачу. Здесь совсем недалеко.

За десять минут, которые они провели на автобусной остановке, мимо не проехало ни одной машины. Ни в сторону Москвы, ни обратно.

– Уже первый час, – посмотрел Женька на дисплей мобильного. – Кстати, вы в курсе, что связи здесь нет?

– Как это? – удивился Никита и снял с ремня свой телефон. – Всегда была...

– Именно здесь, на остановке? – уточнил Женька. – Или только на твоей даче?

– В том числе и на остановке. И верно, «поиск сети» высвечивается. Чудеса какие-то.

– Наши глюки не для скуки, – симпровизировал Женька и, глянув налево, воскликнул: – О! Кажется, кто-то едет.

Вдали, из-за поворота, блеснул свет фар, и послышался шум мотора.

– Так, мальчики, – безапелляционно заявила Маша и поднялась с лавочки. – Останавливать и говорить буду я. А вы помалкивайте.

– Конечно, – сказал Женька. – Будь у меня такая фигура и статья...

– Трепло, – не оборачиваясь, бросила Маша, шагнула на край проезжей части и подняла руку.

Сошедший с конвейера еще в прошлом веке, весьма потрепанного вида древний «ГАЗ-66», заскрипев всеми тормозами и сочленениями, остановился точно напротив. Не успела Маша подойти, как дверца с правой стороны распахнулась, и густой бодрый мужской голос осведомился:

– Вам куда, полуночники?

– До Москвы подвезете? – спросила Маша. – Не обидим.

– Меня трудно обидеть, – засмеялся водитель. – Даже втроем.

– Я хотела сказать, что заплатим, – несколько растерялась Маша. – Сколько вы хотите?

– Сколько я хочу, у вас все равно нет. На бутылку дадите – и ладно. В кузове сойдет? Там есть скамейки. И учтите – только до Окружной.

– Сойдет, конечно, спасибо, – поблагодарил Никита, подходя ближе. – А куда это – до Окружной? До МКАД?

– До Московской окружной дороги. Которая вокруг Москвы идет, значит. Вы откуда, ребята?

– Вообще-то, из Москвы, – уверенно ответил Женька. – А что, не похоже?

– Ну-ну, – сказал водитель. – Из Москвы так из Москвы. Залазьте, поехали.

Они залезли в кузов, уселись на деревянную скамью, и «ГАЗ-66» тут же тронулся с места.

– Довольно резво для своих лет бежит «газон», – похвалил Женька. – Эх, хорошо! Сто лет в открытом кузове не ездил.

– А я и вовсе первый раз, – призналась Маша. – Здесь всегда так трясет и кричать надо, чтобы тебя услышали?

– Ну уж прямо и кричать, – заступился за грузовик Никита. – Просто говорить чуть громче обычного. А трясет... По-моему, у него просто рессоры ни к черту.

– У меня такое впечатление, что это шоссе стало хуже, – сказала Маша. – Рессоры рессорами, а мы в пятницу здесь ехали, и дорога была глаже.

– Тебе кажется, – сказал Никита. – Шоссе то же самое, можешь мне поверить.

– Мне другое интересно, – сказал Женька. – Почему наш водитель назвал МКАД Московской окружной дорогой?

– Потому что МКАД – это и есть, по сути, Московская окружная дорога, – сказала Маша.

– Это старое название, – возразил Женька. – Теперь и давно все говорят МКАД.

– Наш водитель тоже не юноша, – заметил Никита. – Может, ему просто не нравится эта аббревиатура – МКАД. Вот и пользуется... Московской окружной дорогой. Мало ли чудиков на свете.

Постепенно разговор сам собой затих, и друзья просто сидели и смотрели на убегающую назад темную стену ночного леса и неподвижную луну над головой. Стало прохладнее. Никита снял и накинул Маше на плечи свою джинсовую куртку.

– Спасибо, – кивнула она. – Еще одна претензия к Индиане Джонсу – моя куртка в машине осталась.

– Я все-таки думаю, что это не он, – сказал Никита. – По лесу трудно ходить бесшумно. Мы бы его услышали.

– Согласен, – поддержал Женька. – Да еще по лесу ночному и с тяжеленным рюкзаком за плечами. Хотя, если он Индиана Джонс, то все возможно.

Они засмеялись.

Грузовик, не снижая скорости, вошел в поворот, и свет фар выхватил на пару секунд из ночной тьмы пустырь и какую-то свалку на другой стороне шоссе.

– Это еще что такое? – удивился Никита.

– Что? – не понял Женька.

– Да вон, свалку только что проехали, сразу за поворотом. Не должно тут, по идее, никакой свалки быть.

Женька с Машей посмотрели назад.

– Не вижу уже, – сказал Женька. – А что там должно быть?

– Заправка лукойловская. Я на ней заправляюсь время от времени. Точнее, заправлялся, пока машину не продал. Что за чертовщина...

– Ты уверен? – спросила Маша.

– Абсолютно.

– Я не помню заправки, – сказала Маша. – Ты, наверное, перепутал. Не бывает так, чтобы позавчера заправка, а сегодня уже свалка.

– У нас в России все бывает, – философски заметил Женька. – Но, скорее всего, ты, Никита, и в самом деле что-то напутал.

– Ребята, – сказал Никита. – Я по этой дороге с детства езжу. А эта заправка тут уже лет семь как стоит. На память, слава богу, не жалуюсь.

– А раньше на месте заправки что было, – поинтересовался Женька, – если на память не жалуешься?

Никита наморщил лоб, вспоминая.

– Раньше... – пробормотал он. – Так... Блин! Свалка! Свалка там была, не поверите.

– Разыгрываешь, – сказала Маша. – Или просто не помнишь, а теперь выкручиваешься.

– Разыгрываю, значит?

– Ага, – сказала Маша. – Пудришь нам мозги. Правда, Жень?

– Именно это он и делает, – подтвердил Женька.

– Я прекрасно знаю эту дорогу, – покачал головой Никита. – Хотите, докажу?

– Хотим, – сказала Маша.

– Очень, – сказал Женька.

– Хорошо. Смотрите внимательно. Сейчас будет плавный и длинный правый поворот. Сразу за ним – перекресток. А за перекрестком – магазин круглосуточный, ярко освещенный, и придорожное кафе.

– Ну-ка, ну-ка, – сказал Женька.

Дорога стала забирать вправо. Свет фар скользнул по краю леса и снова лег на дорогу, а затем высветил перекресток впереди и какой-то одноэтажный покосившийся барак с заколоченными крест-накрест окнами. Пять секунд, десять... и вот уже перекресток вместе с бараксом остались позади.

– Видели? – воскликнул Никита. – Поворот есть, перекресток на месте, а магазин с кафешкой исчезли! Вместо них какая-то развалюха. Ничего не понимаю!

– Мы же водки не пили сегодня вроде, – сказал Женька. – Но, честно сказать, я этого барака не помню. С другой стороны, не уверен, что помнить должен.

– Я тоже не помню, – сказала Маша. – Но это ни о чем не говорит.

– Да не было здесь никакого барака, – упрямо помотал головой Никита. – Ребята, я, правда, не вру. Магазин здесь был всегда. И кафешка.

– Всегда? – спросила Маша. – Как лукойловская заправка?

– Ну, не всегда, конечно. Но лет пятнадцать – точно. А то и больше.

– А до этого? Неужели барак с заколоченными окнами?

– Издеваешься, да? – вздохнул Никита. – Нет чтобы помочь.

– Да чем же я тебе помогу, Никитушка? – удивилась Маша. – Я эти места и не знаю почти. Да ты не расстраивайся, бывает. Сейчас доедем до Москвы, придешь домой, ляжешь спать, а наутро все встанет на свои места. Включая голову.

Никита хмыкнул и ничего не ответил, а Женька с энтузиазмом принялся рассказывать о том, как он однажды перепутал очень похожие остановки электрички, сошел раньше, чем нужно, и долго не мог понять, куда подевался нужный ему дом в дачном поселке.

– Сосны-то вроде те же, а дом – тютю. Два этажа, между прочим, кирпичный. И гараж еще рядом. Нету! Туда-сюда, все равно нету. Испугался уже, что крыша у меня окончательно поехала, – закончил он. – Пока добрые люди не подсказали, в чем дело.

После чего подумал, вздохнул и добавил:

– Правда, был я, признаться, крепко выпивши.

Некоторое время друзья молчали, слушая гул мотора и наблюдая за поднявшейся уже довольно высоко луной.

– В любом случае мимо Москвы мы не промахнемся, – сказала Маша, – потому что едем на восток.

– Верно, – согласился Женька. – Север прямо перед нами – вон она, Полярная.

– Не обижайся, – толкнула Маша Никиту плечом. – Но я и правда очень плохо помню, что там было по сторонам дороги. Тем более что ехали мы сюда днем, а возвращаемся ночью.

– Все нормально, – буркнул Никита. – У меня, наверное, и вправду какой-то глюк приключился в мозгах. Я уже заметил два знакомых указателя. Скоро Москва.

Но оказалось, что Москва еще не очень скоро, и они сами не заметили, как под звук мотора и легкую тряску (шоссе ближе к Москве явно улучшилось) впали в смутную полудрему, в которой почти утратили чувство времени и расстояния. Во всяком случае, когда грузовик затормозил на обочине, никто из них не смог быстро сообразить, в каком именно месте на въезде в столицу они находятся.

– Все, ребятки! – крикнул водитель, высунувшись из кабины. – Приехали, Окружная. В саму Москву я не еду, предупреждал.

Поеживаясь от ночного холода, они слезли на землю.

– Где мы? – спросил Женька. – Что-то не узнаю...

– Если дальше пройти, – сказал водитель, – то в конце концов попадете на Кутузовский.

– Ага, – глубокомысленно изрек Женька. – Все равно не узнаю. Ну и ладно. Главное, доехали.

Он полез в задний карман, вытащил бумажник, достал оттуда деньги и протянул водителю.

– Что это? – недоуменно повертел тот в руках бумажки. – Это шутка такая?

– Мало? – удивился Женька. – Ты же сказал, на бутылку. А здесь на все три. И не паленой, а хорошей, качественной.

– ...вашу мать! – разозлился водитель. – Сказали бы сразу, что денег нет, я бы понял, не зверь какой. А так-то – зачем? Эх, молодежь, все шуточки вам да игрушечки, пока задницу не припекло. На, забери обратно и спрячь. А лучше – выброси. Менты сейчас повсюду. Заметут, найдут, что ты им скажешь? Благодарю бога, что у меня сын такой, как ты. А то бы... На!

Он сунул Женьке деньги, сплюнул под колеса, хлопнул дверцей и рванул грузовик с места.

– Однако, – пробормотал Женька, растерянно глядя на смятые банкноты. – Вы что-нибудь понимаете? Я – нет.

– Все страньше и страньше, – процитировала Маша напряженным голосом. – Что происходит? Никита дорогу не узнает, водила денег не берет. Может, ты ему мало дал?

– Нормально я ему дал! – возмутился Женька. – Нет, вы слышали, что он про ментов говорил? Заметут, найдут... Слушайте, может, за выходные в стране переворот случился, а мы и не заметили? Ящика-то телевизионного нет на даче. И радио с Интернетом тоже.

– Глупости, – сказал Никита. – А мобильники на что? Мы же еще сегодня днем по ним болтали, и все было в порядке. Да и какой может быть переворот вот так, ни с того ни с сего? Нет, не верю.

– У нас в России, как уже не раз было замечено, все может быть, – сказал Женька. – И в любой момент. Потому что непредсказуемые мы.

– Слушайте, непредсказуемые, – вмешалась в разговор Маша, – может быть, все-таки попробуем домой попасть? Рабочий день скоро, а мне еще об уgone заявить надо.

– Домой в это время можно попасть только на тачке, – заметил Женька. – Или на частнике. Но, если честно, я уже боюсь им предлагать деньги. Да и что-то не видно машин особо, что тоже очень странно. МКАД никогда не затихает, но сейчас как-то пусто, вам не кажется?

– Кажется, – согласился Никита. – Мне вообще за последние два часа много чего кажется.

– Так что вы теперь предлагаете? – насмешливо осведомилась Маша. – Ждать здесь до утра?

– Я думаю... – начал было Женька, но закончить мысль не успел.

Рядом с ними резко затормозил милицейский «уазик» с мигалкой на крыше. А сразу за ним – автомобиль, очень напоминающий своими угловатыми и грозными обводами американский «Хаммер», но уже не с мигалкой, а с самым настоящим пулеметом на крыше. И ствол этого пулемета как бы случайно был направлен точно на них, а за турелью темнел неподвижный силуэт в каске.

– Надо же, – не удержался от реплики Женька. – А ведь это, похоже, «Тигр». Спеназовцев машинка. Редкая штучка.

Дверца «уазика» с правой стороны распахнулась, и на тротуар неторопливо выбрался милиционер с нашивками старшего сержанта.

– Документики приготовили, – уронил он негромко, но так, что услышали все.

– А представиться? – тоже негромко ответил Женька.

– Что сделать? – удивился старший сержант.

– Представиться, – не обращая внимания на красноречивые взгляды Никиты и Маши, повторил неугомонный Женька. – Я уже не говорю о том, что в российской доблестной милиции вообще и в московской в частности принято сначала желать людям здоровья.

Глава 3

Нападение

Внутри «уазика» отчетливо воняло бензином, дешевым кожзаменителем и еще чем-то кисловатым и крайне неприятным.

– Блевали здесь, что ли? – поморщилась Маша.

– Скорее всего, да, – сказал Никита. – Уж выпившего-то народу в этой будке на колесах перебивало немерено.

– Давненько меня в ментовку не забирали, – сообщил Женька. – Забытое ощущение.

– Век бы его не вспоминать, – хмыкнул Никита. – Молодец, вообще. Где это видано – с ментами препираться? Ишь, не представились ему.

– И здравия не пожелали, – сочувственно добавила Маша. – Бедненькому.

– Да бросьте вы, – махнул рукой Женька. – Нас бы в любом случае замели. Я как его фуражку увидел, так сразу понял, что мы попали. И попали по-крупному.

– А что с его фуражкой? – удивилась Маша. – Я ничего особенного не заметила.

– Герб СССР у него на фуражке, – пояснил Никита. – Вместо нашего родного и двуглавого российского орла.

– И кокарда со звездочкой, – продолжил Женька. – А должна быть просто трехцветная. Как флаг.

– Вы в этом уверены? – спросила Маша.

– Как бог свят, – серьезно перекрестился Женька.

– Абсолютно, – подтвердил Никита.

– Надо же... – произнесла Маша, – а я и не заметила. Впрочем, это вам, мальчишкам, положено во всякой форме и знаках отличия разбираться, а мы, девушки... Хотя глупости говорю. От страха, наверное. Не знаю, как вам, а мне не по себе. Кстати, вы можете хотя бы приблизительно сообразить, где именно мы едем?

– Как? – пожал плечами Женька. – Окон-то здесь, считай, нет. Да и ночь.

И действительно – через забранное толстой проволочной сеткой единственное окошко, ведущее в кабину водителя, рассмотреть что-либо было почти невозможно.

– Свернули мы один раз. Налево, – сказал Никита. – И с тех пор все время едем прямо. Но это мало о чем говорит.

– Да уж, – согласилась Маша и тут же задала следующий вопрос: – А вообще соображения есть хоть какие-то по поводу того, что происходит?

– Первое, что мне приходит в голову, – сказал Женька, – это провал во времени. Хотя звучит, понимаю, как бред сумасшедшего. Но вспомните нашего Индиану Джонса, воронку с камнем, звук, свет, и то, что было на шоссе. Свалка вместо заправки и заколоченный барак там, где должен быть современный магазинчик и кафе. Очень похоже. И водила не знал, что такое МКАД. И связи мобильной не было. А с учетом гербов на фуражках и кокард, вообще сходится все.

– Ага, – насмешливо произнес Никита, – сходится. А как же «Тигр» спецназовский, который, я уверен, и сейчас за нами едет с пулеметом на крыше?

– Да, – вздохнул Женька. – «Тигр» в мою теорию явно не лезет. Машина современная. В смысле, относительно недавно выпущенная. Во времена СССР таких не было. По-моему. Но тогда почему у нас отобрали мобильники, и на Машкин паспорт среагировали так странно? Да и на мой членский билет Союза журналистов – тоже.

– Значит – что? – попробовала подстегнуть мыслительный процесс Маша.

– А ничего, – скучным голосом сказал Никита. – Данных мало. Нафантазировать мы сейчас можем выше крыши, а толку? Нам не фантазии нужны, а точная информация. Которой у нас пока нет.

Следующие минут десять прошли в молчании. Каждый по-своему пытался осмыслить происходящее, но делать вслух какие-то выводы никто не торопился. Да и просто трепать языком – тоже. Все-таки денек выдался не самым легким, и накопившаяся усталость вместе с окружающей обстановкой совсем не способствовали легкому и непринужденному общению.

Автоматная очередь и грянувшие тут же вслед за ней два взрыва подряд мгновенно изменили и обстановку, и мысли. Точнее, какие бы то ни было мысли на время исчезли вовсе. Да и откуда взяться мыслям в тот момент, когда машина, в которой вас не быстро и довольно спокойно везут, вдруг под страшный грохот в прямом смысле слова взлетает на воздух, почти разваливается на части, переворачивается и падает обратно на твердый асфальт? Правильно – неоткуда им взяться. В том случае, если вы вообще останетесь в сознании, а также при целых ногах-руках-туловище-голове, то первое, что рефлекторно захочется сделать, – это убежать. Подальше и как можно скорее. А вовсе не мыслить.

То ли от взрыва, то ли от последующего удара о дорогу, но задняя дверь распахнулась, и стала видна часть развороченной взрывом ночной улицы с перевернутым на правый бок спецназовским «Тигром». Ствол крупнокалиберного пулемета бессильно уткнулся в дорогу, рядом валялся мертвый стрелок. Откуда-то сбоку по «Тигру» лупили из автомата. Во всяком случае, сквозь гул в ушах Никита различал знакомый до отвращения вой рикошетов. Однажды, когда он служил срочную на юге страны, его БМП подорвался на фугасе. Рота тогда попала в засаду, и он на всю жизнь запомнил ощущения, которые сейчас испытывал вновь.

Будто в кошмарном сне.

Только это был не сон. Следовательно, надо выбираться наружу и уносить ноги. Так как запах бензина весьма усилился. Что указывало на пробитый бензобак. А значит, одной случайной искры хватит для того, чтобы никто из них уже не встретил завтрашний день. Каким бы плохим или хорошим этот день ни обещал быть.

Никита огляделся.

Справа от него лежал Женька, слева – Маша. Оба, приподняв головы, напряженно смотрели в дверной проем.

– Все целы?! – громко осведомился Никита.

– Да!

– Целы!

– Тогда на счет «три» выскакиваем и прячемся за «Тигром»! Его пуля не прошибет!

– А как... – начала было Маша, но Никита не дал ей времени на размышления и разговоры.

– Раз, два, три! – Он приподнялся и на четвереньках бросился вон из смертельной тесноты металлической будки.

И вовремя.

Как только им посчастливилось укрыться за брюхом спецназовского броневедомобиля, какая-то шальная пуля все-таки подожгла разлитый бензин, после чего рванул бак, и милицкий «уазик» окутало жаркое пламя.

– Ух, блин! – выдохнул Женька. – В самый раз мы выскочили.

– И что дальше? – поинтересовалась Маша.

– Эй! – позвали со стороны кормы. – Живы?

Они повернулись на голос.

Человек, одетый во все черное, с автоматом на изготовку, стоял в пяти шагах, и его лицо было спрятано под черной же вязаной шапкой с прорезями для глаз и рта.

– Живы, – ответил за всех Никита. – Вы кто?

– Дед Пихто, – отрезал человек. – Бежать можете?

– Смотря зачем.

– Чтобы и дальше живыми быть.

– Легко, – заверил Женька.

– Тогда – за мной, и быстро – скомандовал человек.

После чего повернулся и скрылся за кормой «Тигра».

Сначала долго бежали через дворы жилых многоэтажек, едва освещенные луной и редкими фонарями. Затем пересекли довольно широкую, но совершенно пустую и темную улицу и снова углубились во дворы.

Их провожатый будто специально выбирал самый запутанный и неудобный путь – сворачивал в какие-то узкие проходы между гаражами, затем поперся напрямую через сильно захламленный остатками мебели и прочим мусором обширный пустырь и наконец остановился у подъезда длиннющего восьмиэтажного дома, построенного, судя по всему, еще в 50-х годах прошлого века.

– Мальчики, – на ходу осведомилась Маша, – вы уверены, что нам туда надо?

– Они уверены, – сообщил человек в черном. – Деваться все равно некуда. Иначе поймают. А как только поймают, так почти наверняка убьют. Око за око. Слышите?

Прислушались. Где-то не очень далеко выли сирены.

– Думаю, что район уже оцеплен, – негромко продолжил человек и потянул на себя дверь. – Нужно переждать до утра. Пошли.

Лифт не работал, и пришлось подниматься по лестнице на седьмой этаж. И снова чуть ли не в полной темноте, потому что лампочки на лестничных площадках или не горели, или вовсе отсутствовали.

– Паша? – осведомился чей-то хриловатый голос из глубины квартиры, когда человек впустил их и закрыл за собой дверь на ключ.

– Он самый, – ответил человек и щелкнул выключателем.

Шапку-маску он успел стащить и оказался белокурым и голубоглазым парнем лет двадцати с лишним. Губы, в любой момент готовые улыбнуться, и задорные девчоночьи ямочки на румяных щеках. Эдакий ангел с автоматом Калашникова.

– Ты не один, что ли? – спросил голос.

– Не один, – подтвердил Паша и указал подбородком на дверь: – Сюда.

Эта была, вероятно, гостиная. Диван возле стены. Письменный стол у окна. Два шкафа с книгами и один платяной. Телевизор на ножках (!). Два кресла, стул. Плотные коричневатые шторы на окнах. Вытертый синий ковер на полу. На стене, рядом с самыми настоящими часами-ходиками, – репродукция картины Пикассо «Девочка на шаре». Аляповатая четырехламповая люстра под потолком с тремя горящими лампочками. Пахло здесь недорогим мужским одеколоном и застарелым табачным дымом.

– Мама дорогая, – оглядевшись, изумилась Маша. – Я уж и забыла, что бывают такие... интерьеры.

– А чем вам не нравится интерьер? – удивился «ангел» и плюхнулся в одно из кресел, не выпуская из рук оружия. – Присаживайтесь, вон, на диван. Поговорим.

Они последовали приглашению и сели.

– Мартин! – позвал белокурый. – Ты не хочешь к нам присоединиться?

– Иду, не шуми.

Дверь отворилась, и в комнату ступил высокий худощавый мужчина. Было ему на вид лет сорок пять. В темно-русых коротко стриженных волосах обильно проступила седина, на щеках серебрилась двухдневная щетина, в углу тонкогубого рта торчала дымящаяся сигарета, из-за чего один глаз был небрежно прищурен. Не хватало только плаща и брезентового рюкзака за плечами.

– Ба! – сказал мужчина и вынул изо рта сигарету. – Знакомые все лица. Эх вас угораздило. Никита, Маша и Женька переглянулись.

– И все равно похож, – с вызовом заметила Маша.

– Кто и на кого? – полюбопытствовал мужчина.

– Вы. На Индиану Джонса.

– О как. Интересное сравнение. Но вообще-то меня зовут Мартин.

– Это мы уже сообразили...

Мужчина по имени Мартин не спеша прошел дальше, загасил сигарету в пепельнице, взял стул, уселся на него верхом, глубоко вздохнул и спросил:

– Где ты их подобрал?

«Ангел» коротко объяснил – где.

– А сюда зачем притащил?хлопот теперь с ними не оберешься. Даже представить боюсь.

– Да что такое?! – возмутился белокурый. – Что тебе не нравится? Нормальные ребята.

Не первые, не последние.

– То-то и оно, что первые, – вздохнул Мартин. – Они *оттуда*. Понимаешь?

– Как это – оттуда?

– Вот так.

– Ни хрена себе, – «ангел» присвистнул и посмотрел на гостей с каким-то жадным новым интересом.

– Так, – не выдержал Никита. Он был самым старшим и сильным в компании трех друзей и поэтому чувствовал свою ответственность. – Может быть, кто-нибудь объяснит нам, что происходит?

– А то несправедливо получается, – поддержал его Женька. – Вы все знаете, а мы тут сидим непонятно где и только глазами хлопаем.

– Мир вообще несправедлив, – сообщил Мартин. – И этот, и любой другой. К сожалению.

Он достал из нагрудного кармана рубашки сигарету, задумчиво повертел ее в пальцах, сунул обратно и сказал:

– Я же велел вам идти к машине и уезжать. Зачем вы не послушались?

– А что, обязательно должны были послушаться? – вопросом на вопрос ответил Женька.

– Отчего же? Вовсе нет. Но теперь вы сами видите, что из этого вышло. А послушались бы, спали бы дома сейчас. И видели сны. Быть может.

– А! – немедленно обрадовался Женька. – Так вы, значит, не Индиана Джонс. Вы – Гамлет! Час от часу не легче.

– Все мы Гамлеты, – философски заметил Мартин. – В той или иной степени. Возьмем, к примеру, вас. Молодых, сильных, красивых и самоуверенных. То есть вы были такими еще совсем недавно. Но вот обстоятельства резко изменились, судьба решила сыграть с вами в извечную игру под названием «Угадай, что будет завтра», и – что? Вы еще хорохоритесь, но на самом деле растеряны и действительно стараетесь угадать, что же будет завтра. Или не будет. Быть, так сказать, или не быть. Разве нет?

– Вы нас извините, пожалуйста, – быстро сказала Маша и так покосилась на Женьку, что тот непроизвольно отодвинулся. – Но уж больно сумасшедший вечерок выдался. Да и ночь тоже... под стать. Сначала вас я чуть не задавила, потом воронка эта непонятная, пропажа машины, странное шоссе, Москва, которая и на Москву-то не похожа, милиция с гербом СССР на фуражках... А дальше так и вовсе сплошной кошмар. Взрывы, стрельба. Вы же нас чуть не убили! Тут невольно расстроиться и станешь невежливым.

– Я понимаю, – сказал Мартин. – Но лучше бы вы и в самом деле меня послушались и сразу отправились домой. Потому что завтра к утру проход закроется, а выбраться из города без документов практически невозможно. Везде милицейские патрули.

– Какой проход? – спросила Маша.

Мартин едва заметно вздохнул, опять достал сигарету, закурил и выпустил дым в потолок.

– Проход между нашим и вашим миром, – промолвил он наконец. – Так что добро пожаловать в иную реальность, господа. Хотя мы здесь все-таки больше привыкли к слову «товарищи».

Какое-то время было отчетливо слышно тиканье ходиков на стене.

– Вы шутите, – неуверенно улыбнулась Маша.

– Пошутить люблю, – признался Мартин. – Но сейчас не тот случай. Ладно. Вижу, разговор коротким не получится. А значит, без чая не обойтись. Пошли на кухню.

Глава 4

СССР. Чужая Москва

Проснувшись, Маша некоторое время разглядывала аляповатую четырехламповую люстру под потолком, затем перевела взгляд на ходики (черные стрелки показывали одиннадцать часов и пять минут), «Девочку на шаре», диван, на котором спали Никита с Женькой, и живо припомнила события вчерашнего вечера и ночи. Сильно захотелось домой. Захватывающие приключения выдуманных героев, за которыми так увлекательно следить на страницах книг или экране, на поверку оказались весьма неудобны, опасны для жизни и доставляли крайне мало удовольствия.

«Нас ведь могли убить вчера, – с неожиданной ясностью осознала Маша. – Запросто. И... что тогда? Нет уж, спасибо. Пора сваливать из этого мира обратно, к себе. И обязательно сегодня. Что там говорил Мартин? Только три ночи в месяц, когда наиболее полная луна. Да и то не всегда. Гарантированно – одна ночь. И она уже прошла. Что ж, будем надеяться на лучшее. Правда, надо еще выбраться из города. Мартин сказал, что шанс есть, но все равно это очень опасно. И самое главное, если что-то случится, никто не поможет. Некому. Другой мир. Мир, в котором до сих пор существует Союз Советских Социалистических Республик. С ума сойти».

Маша выросла уже в новой России, но аббревиатура СССР была ей хорошо знакома с детства. Как, впрочем, и всякому человеку, хоть сколько-нибудь интересующемуся окружающим его миром. И уж тем более человеку, проживающему на одной шестой части суши, которая когда-то данной аббревиатурой и обозначалась.

Знакома-то знакома, но сказать, что она очень хорошо знала недавнюю историю своей страны было нельзя. Так, в пределах школьного курса, из кино и художественной литературы, да по рассказам тех, кто в те времена жил. В основном, конечно, родительским.

Но как воспринимаются детьми обычно родительские рассказы? Никак. Крайне редко с легким интересом, иногда вполуха, а чаще всего с тоскливой мыслью о том, чтобы рассказ этот поскорее закончился, родители занялись чем-нибудь полезным и оставили уже, наконец, свое чадо в покое.

Как бы там ни было, но факт существования Советского Союза Маша восприняла несколько отстраненно. Ну, победило в этом мире ГКЧП в 1991 году. И что теперь? Она и название это – ГКЧП припомнила-то с трудом. Хотя, конечно, и знала, что именно в 1991-м Союз Советских Социалистических Республик прекратил существование.

В их мире прекратил.

А здесь не прекратил. Крови пролилось изрядно, и та же Прибалтика все-таки сумела отделиться, но в целом страна не развалилась. Мартин утверждал, что все только на крови и страхе держится, да еще на том, что у коммунистов хватило ума частную экономическую инициативу полностью не придушить. Ну и цены на нефть еще. Они здесь тоже выше крыши несколько лет уже держатся. А так, мол, толчка доброго не хватает, чтобы народ на улицы хлынул, и власть ненавистную коммунистическую сверг. Вот они якобы и толкают. Революционеры-подпольщики. Террористы-демократы. Борцы за свободу и счастье народное. То ментов подорвут на фугасе, то первого секретаря какого-нибудь обкома-горкома или министра с председателем шлепнут из снайперской винтовки. Сами гибнут под пулями милицейскими да в лагерях, сидят по тюрьмам, живут одним днем, но верят в светлое будущее для России, себя не жалеют и новых сторонников в свои ряды вербуют пачками. Да их и вербовать, как утверждает Мартин, особо не надо – сами приходят. И чем дольше все это тянется, тем больше. Еще

немного, и победа таки будет за ними. И черт с ним, с Советским Союзом, пусть уже, наконец, распадется и умрет, как рано или поздно любой империи положено.

Много чего интересного Мартин рассказывал вчера, всего сразу и не припомнишь. Но, положа руку на сердце, больше всего Машу потрясли не его рассказы, а само наличие двух миров, двух разных Земель. А также действующего прохода между ними. Сообщения. Окна. Которым тот же Мартин со товарищи пользовался в своих целях. Вот это действительно не умещалось в голове. По крайней мере сразу. А СССР... Что ж, отчего бы и на самом деле в ином мире истории не пойти по несколько иному пути? Вот она и пошла. Значит, надо воспринимать это как данность. Чтобы окончательно не сломать башку. Она еще неоднократно в жизни понадобится.

Телефон на кухне зазвонил, когда Маша, Никита и Женька заканчивали импровизированный завтрак. К этому времени они успели проснуться, умыться, а также обнаружить, что хозяев в квартире нет, но от них имеется записка следующего содержания: «Ушли по срочному делу. Завтрак на столе, чайник на плите. Скоро вернемся. Ждите. Мартин, Павел».

– У меня зазвонил телефон, – сказал Женька, косясь на ветхий аппарат из красной пластмассы с белым дырчатым диском и обмотанной синей изоляцией трубкой. – Надо же, этот музейный экспонат, оказывается, еще и работает.

Звонок ударил снова. Требовательно и настойчиво.

– Не знаю даже, – сказала Маша. – Будь мы в своем мире...

– То-то и оно, – согласился Женька и посмотрел на Никиту. – Что думаешь?

– Думаю, надо ответить, – сказал Никита и в подтверждение своих слов протянул руку и снял трубку.

Некоторое время он, хмурясь, слушал, что ему говорят, затем осторожно положил трубку на рычаги и озадаченно почесал лоб.

– Ну?! – не выдержал Женька.

– Кажется, это был Мартин, – сообщил Никита. – Сказал, чтобы мы немедленно уходили. Через десять минут здесь будет ОМОН.

– ...ц! – выругался Женька. – Без денег и документов мы в этом городе долго не протянем.

– Деньги – в нижнем ящике стола. В гостиной. Сказал, чтобы мы их взяли и ждали его ровно в два часа на Патриарших.

– Так чего же мы сидим? – спросила Маша. – Я совсем не хочу встречаться ОМОНОм. И уж тем более местным. Хватит с меня и вчерашних ментов.

Они успели.

Стараясь не бежать, степенно вышли из подъезда, пересекли двор, попали в какой-то переулок и свернули налево. То есть первым свернул Никита, а Женька и Маша последовали за ним.

– Почему именно сюда? – спросил Женька.

– По-моему, там, впереди, должна быть какая-то оживленная улица, – ответил Никита. – А нам сейчас лучше всего быть среди народа. Чем больше людей, тем проще затеряться.

– Уж чего-чего, а улиц оживленных в Москве хватает, – сказала Маша. – Хорошо бы вообще узнать, в каком районе мы находимся.

– Ориентировочно должны быть где-то на западе, – предположил Женька. – Сейчас дойдем до обещанной Никитой оживленной улицы, и все узнаем. Конечно, надо было вчера еще у Мартина спросить. Или у этого Паши. Но лично я не догадался.

– Никто не догадался, – сказала Маша. – Олсуфьевский переулок. Вам это о чем-нибудь говорит?

– Где?

– Мы по нему идем. Вон табличка на доме.

– Действительно, Олсуфьевский, – прочитал Женька. – Что-то вроде знакомое, но сообразить не могу.

– Здесь рядом метро «Фрунзенская», – сказал Никита.

– Ух ты! – восхитился Женька. – Не подозревал, что ты такой знаток Москвы.

– Да какой там знаток, – усмехнулся Никита. – Просто когда-то тут неподалеку жила моя... э-э... знакомая, скажем так. Давно, правда, это было.

– Прямо в этом переулке?

– Нет, в соседнем. Поэтому, наверное, я сразу райончик и не узнал. Тем более в темноте. Теперь вот понемногу вспоминаю.

– А мы что, на метро поедem? – поинтересовалась Маша. – И если поедem, то куда?

– Кстати, вопрос серьезный, – подхватил Женька. – В московском метро всегда было полно милиции. Не думаю, что метро *этой* Москвы, чем-то отличается от нашего.

– Мне все время кажется, – пожаловалась Маша, – что все это какой-то гигантский розыгрыш. Другой мир, СССР... Как это может быть?

– Не знаю, – сказал Никита. – Но мы и в самом деле не у себя. Гляньте-ка вот туда, – и он показал глазами на крышу пятиэтажного дома через дорогу.

– «Народ и партия – едины», – прочла Маша негромко. – Да уж. А... зачем?

– Что «зачем»? – не понял Никита.

– Зачем это здесь написано?

– Как напоминание, наверное, – вздохнул Женька. – Чтобы народ не забывал о своем единстве с партией. Ну и партия... соответственно.

Машину они поймали на Комсомольском проспекте. Это была грязноватая «девятка» темно-синего цвета, водитель которой, полноватый мужчина лет сорока, согласился подбросить их до Парка Горького за десятку. Никто не знал, много это или мало по нынешним деньгам, поэтому согласились, не торгуясь.

– Слышали? – бодро осведомился хозяин «девятки», как только все сели, и «жигуль» тронулся с места. – В новостях уже с самого утра сообщили. И, главное, близко совсем от моего дома!

– Э-э, – охотно подхватил разговор Женька, – честно говоря, командир, мы не в курсе. Не слушали новости еще сегодня. А что случилось-то? Опять, небось, убили кого-нибудь?

– Ха! Убили... Фугас рванули! Ночью. Ментовский «уазик» и «Тигр» – в металлолом. Пять трупов!

– И «Тигр»? – не поверил Женька. – В металлолом?

– Ну, «Тигр»-то, может, и починят, – согласился водитель, – машинка крепкая. А вот «уазик» сгорел. В новостях не передавали, но говорят, что менты повязали очень серьезных людей. Но другие серьезные люди об этом узнали и устроили засаду. В нужном месте и в нужное время.

– И теперь все серьезные люди опять на свободе, – заключил Женька. – Эх, времечко...

– Да уж, – кивнул водитель, – времечко нынче тревожное.

– А с другой стороны, – сказал Женька, – когда оно было другое?

– Это да, – не стал спорить водитель, – без тревог у нас не обходится.

До парка доехали быстро. Во-первых, из-за невеликого расстояния, а во-вторых, потому, что машин на дороге, по меркам *настоящей* Москвы, не было совсем. А те, что были, относились в основном к отечественным маркам.

Расчет ребят оправдался. Народу, несмотря на будний день, в парке оказалось довольно много. В том числе и молодежи. Так что два парня и девушка в обычных джинсах и рубашках вряд ли могли привлечь ненужное внимание блюстителей порядка. При условии, конечно, что вести они себя будут адекватно и ничем не выделяться среди прочих.

Выделяться они и не собирались, хотя Маше с ее ростом метр семьдесят девять, крупной статью и густой рыжей гривой волос трудно было отделаться от устойчивого ощущения, что прохожие – особенно мужского пола – все-таки обращают на нее внимание.

– А ты возьми меня под руку, – предложил невысокий худенький Женька, заметив, что Маша напряженно косится по сторонам. – Тогда все будут думать, что ты со мной, и поймут: девушка занята.

– Хорошая мысль, – обрадовалась Маша и ухватила за мощного Никиту. – Вот. Совсем другое дело. Сразу чувствую себя защищенной. Но ты, Женечка, не переживай. Я тебя потом под ручку возьму, когда чужого народу вокруг поменьше будет.

Нашли кафешку, почти свободную от посетителей, и, сравнив цены с имеющейся в карманах наличностью, расположились на открытой веранде за самым дальним столиком.

Ассортимент заведения особым разнообразием не отличался, но кофе, мороженое и пиво здесь были. Кофе с мороженым и ограничились, решив, что пиво в данной ситуации им совсем ни к чему.

– Жуткое ощущение, – негромко пожаловалась Маша, осторожно пробуя мороженое. – Вроде родной город, а кажется, что кругом враги.

– Расслабься, – посоветовал Женька. Он свободно развалился на стуле, забросил ногу на ногу и с интересом глазел по сторонам. – И получай удовольствие. Когда еще такой случай представится! Это же чистая машина времени. Расскажешь кому – не поверят.

– Я бы не стал рассказывать, – серьезно промолвил Никита. – То есть совсем никому. Страшно подумать, что начнется, если об этом узнают.

– Ну, во-первых, чтобы хоть что-то кому-то рассказать, надо сначала отсюда выбраться, – заметил Женька. – А во-вторых, ты уверен, что об этом... не знаю даже как его назвать... тоннеле и вообще самом наличии двух параллельных миров никому у нас не известно? Здесь-то знают. Тот же Мартин. Значит, и у нас могут знать.

– Вряд ли, – сказал Никита. – Ну, сам подумай. Сколько этот тоннель существует?

– Воронка с войны еще, – сказал Женька. – Сам говорил. Да и видно, что старая – березы по краям растут.

– Воронка – да. Но я не про воронку спрашиваю. Тоннелю сколько лет? Семьдесят? Десять? Пять? Сто?

– Мартин ничего об этом не сообщал, – пробормотал Женька.

– То-то, что не сообщал. Я думаю, что и здесь о тоннеле этом знают очень и очень немногие. Единицы. Я вообще считаю, что... – Никита вдруг замолчал с отсутствующим видом, не замечая, как из ложки в его руке капает на стол растаявшее мороженое.

– Эй, – позвала Маша ласково, – Никитушка, ты чего? Очнись, дорогой. Это мы, твои друзья!

– До меня только что дошло, – заморгал глазами Никита, сунул ложку в вазочку, упер локти в стол и задумчиво положил подбородок на переплетенные пальцы. – И то, что до меня дошло, очень мне не нравится.

– Что такое? – нахмурился Женька.

– Никита, ты меня не пугай, – попросила Маша. – Я девушка не слишком трусливая, ты знаешь, но на вчера и сегодня мне стрессов достаточно.

– Я и не хочу никого пугать, – сказал Никита. – Просто я подумал, что для Мартина и его друзей совсем не надо, чтобы мы оставались в живых.

– Ёпрст! – выдохнул Женька. – А ведь и верно.

– Объясните, – потребовала Маша.

– Все очень просто, – сказал Женька. – Спасибо Никите, не понимаю, как я сам до этого не додумался, на поверхности же лежит. Они ведь террористы, как ни крути. И тоннелем пользуются, чтобы в нашем мире добывать боеприпасы и тащить в свой. А может, и еще для каких-

то целей, о которых мы и вовсе ничего не знаем. А тут – мы. Не просто обуза, а прямая опасность для них. Потому что можем о тоннеле разболтать. Там, у себя. Или даже здесь, если припрет. И что тогда? Нет, так рисковать они не могут. Значит – что?

– Нас надо... убить? – догадалась Маша.

– Умничка, – кивнул Женька. – Тем более что здесь, в этом мире, нас искать никто не станет.

Глава 5

Мартин. Бегство

Они переглянулись, и каждый старался упрятать поглубже свой испуг и беспокойство. Посмотреть вокруг – мирный летний день. Городской парк, мамы с колясками, где-то играет музыка. Но все это – внешнее, наносное. Самую малость копнуть, и сразу выяснится, что каждый шаг в этом новом мире грозит, не шутя, гибелью. Вот и копнули.

– А сразу не убили, потому что сначала не знали, кто мы такие, и Павел думал нас завербовать, – продолжила Маша. – Он сам об этом вчера говорил. Когда же все выяснилось... Ну, не в квартире же своей конспиративной это делать. Куда трупы потом? Вот и разыграли спектакль со звонком, ОМОНОм и встречей в два часа на Патриарших. Так?

– Запросто, – подтвердил Женька.

– И... что же теперь делать?

– А черт его знает, – честно признался Женька и посмотрел на Никиту. – Может, Никита придумает? Он у нас мало того что умный, но еще и рассудительный.

– Другой бы спорил, а я не стану, – сказал Никита и снова принялся за мороженое.

– Ну...и? – осведомилась Маша.

– Как умный и рассудительный, я считаю, что на встречу надо все равно идти.

– Как это?! – в один голос изумились друзья.

– Очень просто. Во-первых, я могу и ошибаться, и нам ничего не грозит. Во-вторых, никто нас белым днем в центре Москвы убивать не станет. Надеюсь. Раз уж вчера или сегодня утром не убили. Это в том случае, если я все-таки прав. Ну и, в-третьих, без помощи Мартина нам из этой Москвы выбраться очень проблематично. Проверки на дорогах, так сказать.

– Было такое кино, – вспомнил Женька. – Но там не совсем об этом. Но ты сам себе противоречишь. Если мы не доверяем Мартину, то как можем полагаться на его помощь?

– На самом деле я лично еще не решил, доверяю ему или нет, – сказал Никита. – Надо посмотреть на его дальнейшее поведение.

– Кстати, никто не помешает Мартину и его ребятам устроить засаду в лесу, если мы не придем, – осенило Машу. – По любому. Куда нам деваться-то? Все равно в лес этот к воронке сунемся рано или поздно. Не сейчас так через месяц. Хотя сидеть здесь еще месяц... Бр-р-р... Совсем не хочу.

– Не в лоб, так по лбу, – заключил Женька. – Значит, идем?

– Да, – сказал Никита. – К тому же у нас их деньги. А я не привык присваивать чужое. Даже если меня на это толкают обстоятельства.

Мартин появился со стороны Спиридоновки точно в назначенное время. Народу на Патриарших в этот час было не много, поэтому он сразу заметил облюбовавших одну из лавочек друзей и направился к ним. Подошел, сел рядом, закинул ногу за ногу. Закурил.

Теперь, в свете летнего дня, было хорошо заметно, что при всей общей молоджавости на самом деле лет этому человеку немало.

«Пожалуй, гораздо ближе к пятидесяти, чем к сорока, – решила Маша. – В отцы мне годится, если честно. Староват, как ни крути. А жаль. Чем-то он мне понравился. Тьфу, дура, о чем я думаю?! Понравился, не понравился... Мало того что старый, так еще и революционер-бомбист из параллельного мира. Хорош субъект для симпатии, нечего сказать!»

– И как вам *эта* Москва? – неожиданно поинтересовался Мартин. – Жутковатое впечатление, верно?

– Нет, отчего же? – вежливо не согласилась Маша. – Странная, да. Непривычная. Другая. Но жутковатая? Я бы не сказала. Не заметила ничего ужасного и жуткого. Даже наоборот.

Например, здесь не должно быть пробок. Как мне показалось. Не то что у нас – ужас сплошной, а не езда. Особенно в будний день.

– Верно, – усмехнулся Мартин. – Пробок не бывает почти. Машин по сравнению... с вашим миром гораздо меньше. Впрочем, это не важно.

– А что важно? – спросил Никита.

– По-разному, – сказал Мартин. – Лично мне важно, чтобы у нас в конечном итоге стало, как у вас. Хотя я знаю, что и у вас не медом намазано. Но все же лучше. А главное – честнее. И в этой связи мне важно еще, чтобы вы попали домой как можно скорее.

– Ага, – сказал Женька. – Вот здесь, если можно, поподробнее. Почему вам так важно, чтобы мы попали домой? Какой у вас в этом интерес?

– И какая выгода, – добавила Маша.

– Узнаю молодое поколение, – сказал Мартин. – В обычное человеческое сочувствие мы, значит, не верим?

– Верим, – сказал Евгений. – Но вы, Мартин, уж извините, не в том положении находитесь, чтобы позволить себе роскошь обычного и простого человеческого сочувствия. Вы же борьбу ведете. Войну. Не на жизнь, а на смерть. А в такой войне все средства хороши и с потерями не слишком считаются. Что мы для вас? Помеха. И помеха довольно большая и серьезная. Так нам кажется.

– Вон в чем дело! – насмешливо посмотрел на них Мартин. – Решили, значит, что мы хотим вас... того? – он изобразил пальцами пистолет. – Ну-ну. Слишком много о себе возомнили, молодые люди. Какая вы помеха, да еще и серьезная? Так, легкое неудобство, не более того. А вот польза от вас живых и здоровых нам может быть и в самом деле большая. Не догадываетесь, какая именно и почему?

– Вам нужны свои люди в нашем мире? – предположил Никита.

– Правильно, – кивнул Мартин. – И не просто свои люди, а желательно друзья. То есть те, кто в случае чего поможет добровольно, а не по принуждению. Так же, как сейчас я помогаю вам.

– Хорошо, допустим, – сказал Никита после непродолжительного молчания. – И как же вы предполагаете нам помочь вернуться домой?

– Очень просто, я сам вас отвезу на место. Сегодня вечером в моем распоряжении будет машина.

– А как же эти... проверки на дорогах? – спросил Женька. – Документов-то у нас как не было, так и нет.

– Ничего, – сказал Мартин. – Выскочим теми дорогами, которые на карте не нарисованы. Не впервой. Там патрулей не бывает, а значит, и документы проверять некому.

Они действительно выскочили.

Но тот же Женька, который не без оснований считал, что неплохо знает Москву, вряд ли смог бы повторить путь, которым вывез их из города Мартин на старом «Фольксвагене», которому по самым оптимистичным подсчетам было никак не меньше двадцать лет.

Впрочем, Женька знал свою Москву, а это была Москва совсем другая. Похожая во многом и где-то даже совсем одинаковая. Но все равно – другая. Это следовало принять как данность и не слишком беспокоиться.

Сначала они крутились по узким проездам внутри жилых кварталов. Потом въехали на неохраняемую территорию какой-то заброшенной промзоны и оттуда попали на пыльную грунтовку. И в конечном счете, миновав обширную и дурно пахнущую (не спасли даже закрытые окна) свалку, добрались до латаной-перелатаной асфальтовой дороги, которая, долго петляя, и вывела их на нужное шоссе за пределами города. К этому времени уже наступил вечер, солнце опустилось к самому горизонту, и прямо перед ними светился в половину неба красивый подмосковный августовский закат.

Их остановили, когда до нужного поворота в лес оставалось не более десяти километров.

Милицейский «жигуль» с работающей мигалкой на крыше расположился на обочине сразу за поворотом, и массивный гаишник с короткоствольным автоматом «АКС» на левом боку косолапо шагнул на край дороги и махнул жезлом.

– Этого нам только не хватало, – пробормотал Мартин, останавливая машину. – Откуда они тут взялись? Ч-черт, обидно...

– Что нам делать? – спросил Никита.

– Ничего, – ответил Мартин. – Сидите и молчите. Говорить я буду.

– Прямо как в кино, – сказала Маша.

– Ага, – согласился Мартин, – только...

Но закончить мысль ему не дали.

– Всем выйти из машины с поднятыми руками! – рявкнул сзади усиленный динамиками голос. – Повторяю! Немедленно всем выйти из машины с поднятыми руками! В случае сопротивления открываем огонь на поражение!

– Попались, – констатировал Мартин, сунул обе руки под сиденье, пошарил там и, повернув голову к Никите, который сидел рядом с ним, буднично осведомился:

– Стрелять умеешь?

Вероятно, помогло то, что нарвались они не на профессионалов своего дела, а на обычный, хоть и вооруженный автоматами, милицейский наряд. Будь иначе, вряд ли бы все закончилось тем, чем закончилось. А так...

Мартин и Никита, распахнув двери, выпали наружу и немедленно, без всякого предупреждения, открыли огонь. Никита – по милицейским «Жигулям», Мартин – по гаишнику, который уже успел за это время приблизиться к ним на несколько шагов, небрежно перебросив автомат на правый бок, под руку.

Впрочем, автомат ему не помог.

Мартин стрелял быстро и метко, и вплепил одну пулю гаишнику в правое плечо, и еще две – в ноги. По одной на каждую. Никита же пробил «Жигулям» два колеса из четырех и вдребезги разнес боковое стекло. Попал он в кого-то или нет, так и осталось неизвестным – в ответ не стреляли и не кричали. Только стонал, лежа на земле, раненый гаишник.

Никита убрал палец со спускового крючка. В обойме у него оставалось два патрона, а есть ли запасная и сколько еще придется стрелять, он не знал.

– Держи «жигуль» на мушке! – крикнул Мартин, вскочил, кинулся к раненому, забрал у него автомат и, пятясь, отступил на исходную позицию. – В машину! Уходим!

– Всех убили? – поинтересовалась Маша, когда «Фольксваген», как умел резво, тронулся с места и набрал скорость.

– Кажется, вообще никого, – ответил Мартин. – И слава богу. Не люблю убивать. Хотя иногда и приходится.

– Нам повезло, – заметил Женька. – За все время никто не проехал ни в ту, ни в другую сторону. Чем меньше очевидцев-свидетелей, тем лучше.

– Повезло – это если бы нас никто не остановил, – сказал Никита. – А так... Какое уж тут везение! У них ведь наверняка есть рация.

– Точно, – кивнул Мартин. – Те двое, что сидели в машине, живы. Я видел. Просто об... лись от страха. Но на то, чтобы не дать истечь кровью товарищу и сообщить о случившемся, у них смелости хватит.

– Хреново, – констатировала Маша. – Как вы говорили, Мартин, наш проход закроется к утру?

– Ага, – подтвердил тот. – Если он вообще сегодня открыт. Три ночи, когда самая полная луна. Одна – гарантированно. Но вчерашняя ночь-гарантия уже прошла. Мы думаем, что вообще это явление, само наличие прохода между мирами и его, так сказать, пропускная спо-

способность как-то связаны с магнитным и гравитационным полями Земли. А может, и еще с какими-то физическими параметрами, о которых вовсе пока ничего не известно современной науке.

– Знаем, что ничего не знаем, – кивнул Женька. – Понятно. Как всегда, если речь заходит о природных феноменах. А «мы» – это кто?

– Мы – это те, кто пользуется этим... феноменом. Сразу я вам не сказал, но не всякий человек может попасть из одного мира в другой. Точнее, не всякий может это сделать самостоятельно. А у вас получилось.

– Все это замечательно, – сказала Маша. – Будем надеяться, что проход открыт. И мы вернемся домой. А вы?

– Что – я?

– Что вы будете делать, Мартин? Вас же ищут. Как вы в эту свою Москву вернетесь?

– Спасибо за заботу, – усмехнулся Мартин. – Я вот тоже еду и все думаю, что мне делать...

– А если серьезно? – спросил Никита.

– Если серьезно, – покосился на него Мартин, – то я собираюсь отправиться вместе с вами.

– О как! – вырвалось у Женьки.

– Другого выхода у меня нет. Как справедливо было замечено, меня ищут. При этом ищут давно. А свой запас фарта я, кажется, исчерпал. Надо отсидеться и новый накопить.

– Что ж, наверное, это правильно, – промолвила Маша. – Добро пожаловать, как говорится. Опять же и долг платежом красен.

– Спасибо, – сказал Мартин. – Очень вероятно, что я воспользуюсь вашим приглашением. Впрочем, об этом мы уже сегодня говорили.

«Фольксваген» вместе с оружием они бросили на обочине у совсем другого поворота, не доехав до нужного с полкилометра.

– Меньше шансов, что поймут, куда мы пошли, – объяснил Мартин. – А если со временем и поймут, то все равно не сообразят, куда мы делись потом.

Стемнело. На небо набежали плотные облака, скрывшие и звезды, и луну, поднялся холодный ветер, запахло дождем.

– Осень скоро, – вздохнула Маша и поежилась. – Как всегда, лето пролетело, и не заметили.

– Я думаю, – сказал Мартин, – что это лето вы запомните надолго.

– Да уж, – хмыкнул Женька. – Тут никаких сомнений быть не может.

Отыскать знакомую воронку на пригорке не составило труда, учитывая, что дорогу все знали, и была она здесь одна.

– Вам делать ничего не надо, – предупредил Мартин, выключил фонарик и присел на корточки перед камнем. – Просто будьте рядом и мысленно пожелайте всем нам удачи.

Вероятно, прошло не более минуты. Но им показалось, что гораздо больше, прежде чем из-под пальцев Мартина заструился, собираясь в облачко, зеленоватый свет, и где-то под ногами возникло далекое низкое гудение. Потом облако света заполнило воронку до краев, басовитый звук усилился, достиг максимума и стал затихать, а вместе с ним ушло вниз и пропало там, под руками Мартина, и загадочное свечение.

– Вот и все, – сообщил Мартин, поднялся и сделал кистями движение, будто стряхивал с рук невидимую воду. – Слава богу, получилось. Десяносто девять с половиной из ста.

– Хорошие шансы, – оценил Женька.

– И я так считаю. Ну что, пошли?

– Пошли, – сказала Маша. – Интересно, машина на месте? Сутки всего.

Машина оказалась на месте, в целости и сохранности, и вскоре они выехали на знакомое шоссе.

– Вы никому не хотите сообщить, что все в порядке и вы живы и здоровы? – спросил Мартин.

– Да особо и некому, – за всех ответил словоохотливый Женька. – С родителями мы все давно живем отдельно, и они о нас не настолько беспокоятся, чтобы каждый день звонить и житьем-бытьем интересоваться. Даже если и звонили сегодня – ничего страшного, перезвонят.

– А на работе что-нибудь соврем, – добавила Маша. – Не впервой.

До Москвы доехали без приключений, радуясь знакомым пейзажам за окнами, где на своих местах находились и автозаправочные станции, и придорожные, сияющие огнями кафе, и МКАД, и все прочие привычные атрибуты родного мира и города.

– Только я вас развозить не буду, – предупредила Маша. – Ладно? На метро доберетесь, не маленькие. Разве что Мартина... Где вас высадить, Мартин?

– Куда не жалко. Можно возле Белорусского вокзала. Или на Триумфальной. Совсем хорошо – на Пушкинской. А там я уже пешком дойду, куда мне надо.

– Конспирация? – осведомился Женька.

– Привычка, – ответил Мартин. – Кстати, запишите мне, пожалуйста, номера своих телефонов и электронные адреса. Как мы и договаривались. Человек я предусмотрительный, мало ли что.

– Обязательно, – заверила его Маша. – Деньги-то у вас наши есть?

– Все есть, спасибо.

– Это вам спасибо. Хотя, с другой стороны, не подвернись вы под колеса, неизвестно, как бы все обернулось.

– Да, – согласился Мартин. – Вероятно, это судьба.

Возражать ему никто не стал.

Глава 6

Возвращение в Приказ

Денек выдался тот еще, но я все равно решил пройтись. И дело здесь не только в конспирации, как заметил бойкий парень Женья. И не в одной привычке, как ответил ему я. Люблю ходить по Москве пешком. Вот это, пожалуй, и будет единственной правдой. Особенно в пределах Садового и летом. Впрочем, и за его пределами, а также в другие времена года бывает неплохо. Не везде, но – бывает. Только не в ноябре. Ноябрь мутно на меня действует. И в этой, родной Москве, и во всех остальных.

Не торопясь, я шел по Тверскому бульвару вниз, к Никитским воротам, и думал о тех столичных улицах, площадях, набережных и бульварах, которые практически одинаковы в разных мирах. Взять Тверской. Ничем он не отличается от того Тверского, который остался в покинутой мной полтора часа назад другой Москве, столице Советского Союза.

Ну, почти ничем.

Например, на *этом* бульваре памятник Сергею Есенину есть. А на *том* – нет. Оно и понятно. Этот памятник где-то в середине 90-х поставили, когда Союза уже несколько лет не существовало, а там... Там в это время самая кровь и лилась. Не до памятников. Хороший, кстати, памятник. Живой. Мне нравится, когда в скульптуре чувствуется движение. Скрытое, но движение. Я, конечно, не специалист и наверняка рассуждаю дилетантски, но, по-моему, в скульптуре это главное. Есть движение – удалось произведение. Нет его – не удалось. Примеры? Легко. Не будем брать всем известного Александра Сергеевича работы Опекушина (интересно, а кто Есенина изваял? Надо будет посмотреть в Интернете при случае...) – там с движением все в порядке. Возьмем чистый официоз. Памятник Юрию Долгорукому на Тверской площади и памятник Георгию Жукову возле Исторического музея. Два всадника. Два государственных деятеля. Князь и полководец. Но князь получился, а полководец не вышел. Почему? А черт его знает. От таланта художника, наверное, зависит. Или от моего вкуса. Допускаю, что немало найдется таких, кому статуя Жукова нравится больше памятника Долгорукому. Хм. С интересными извивами течет мысль человеческая. Особенно когда ее не контролируешь. Начал думать об идентичных местах в разной Москве, а пришел к размышлениям о городской скульптуре. Впрочем, ничего странного, все логично. Тверской бульвар с памятником Есенину и Тверской бульвар без него – это разные бульвары. Хоть и похожи. То же и с Никитскими воротами, до которых я как раз дошел. Везде есть церковь Вознесения Господня, в которой, как известно, венчались Пушкин и Гончарова. Но не везде стоит ротонда «Пушкин и Натали», более напоминающая поставленный торчком тупоносый патрон от пистолета системы Макарова.

Ладно, бог с ней, со скульптурой. Главное, улицы всюду одни и те же... В том смысле, что пролегают в одних и тех же местах, хотя иногда и называются по-разному. Нет, соврал. Большая часть – да. Но, скажем, я сейчас уже направляюсь по Никитскому бульвару к Арбатским воротам, а затем мне нужно попасть в Скатертный переулок. Значит, если я не захочу срезать путь через дворы и всячески плутать, то выйду на Новый Арбат, а потом сверну направо, в Мерзляковский. Потому что хоть я и выбираю обычно более короткую дорогу через Большую Никитскую, но сегодня вечером мне захотелось пройтись по бульварам. Так вот. Я знаю, по крайней мере, одну Москву, где Нового Арбата вообще не существует. Равно, как и Кутузовского проспекта. А существует по-прежнему Большая Молчановка. Да, реконструированная и расширенная, перепрыгнувшая через Москву-реку и в результате влившаяся в Можайское шоссе. Но аккуратно и даже изящно, хотя и вполне современно. И все потому, что в *том* мире вообще не случилось кардинального слома данного района Москвы. Впрочем, там много чего не случилось. В частности, революции 1917 года...

Размышляя обо всем этом, я дошел наконец до Приказа, увидел свет в окнах на третьем этаже и посмотрел на часы. Было начало первого ночи.

Приказом это, скажем так, учреждение называют неофициально. Уже несколько сот лет. Как и мы сами неофициально величаем себя Стражниками. Но в силу того, что отчитываться нам не перед кем, то и между понятиями «официально» или «неофициально» мы давно не видим никакой практической разницы. Как говаривал Коровьев из незабвенного романа Михаила Афанасьевича: «Что такое официальное лицо или неофициальное? Все это зависит от того, с какой точки зрения смотреть на предмет...» Вот именно. В данном случае, с какой стороны на предмет ни смотри, он остается тем местом, в котором я не только работаю, но и, можно сказать, живу. И уже, как мне кажется, останусь здесь до смерти. Как и большинство наших. Живые Приказ не бросают, но Приказ заботится о своих стариках и хоронит своих мертвецов. Хотя бывают исключения. Но где их не бывает?

Приказ работает круглосуточно и без выходных. Не помню случая, чтобы я не застал здесь хоть кого-то в любое время года и суток. Да и никто не помнит. Говорят, даже осенью 1812 года, когда Бонапарт занял Первопрестольную и на улицах всю хозяйничали французы и мародеры, в Приказе оставалась пара дежурных. Впрочем, сей факт зафиксирован в наших внутренних документах и сомнению не подлежит. И не только этот.

На самом деле я, конечно, мог по прибытии отправиться домой, сославшись сам для себя на безмерную усталость и поздний час. Но у нас так не было принято. Вернулся – покажись. А уж потом езжай к себе, отсыпайся, приходи в себя (буде в этом имеется необходимость), составляй доклад-отчет, беседуй с аналитиками, стучись к начальству и вообще делай все, что положено делать Стражнику в своем родном, изначальном мире.

Я поднялся на третий этаж и приложил ладонь к сканеру. Замок щелкнул, дверь отворилась. Дежурил Влад Борисов. Он развернулся ко мне в кресле и приветственно поднял руку:

– Салют, Мартин!

– Салют, Влад!

Влад Борисов был старше меня и давно не шлся между альтернативками, а занимался сбором данных, классификацией, архивом и частично анализом. Отчего, вероятно, и приобрел с годами заметный лишний вес и густую бороду с красивой проседью. Пожалуй, не было у нас более осведомленного по части истории альтернативных миров человека, чем он, – не голова, а информационный банк данных. Всем в Приказе давно известно, что, как правило, проще и быстрее спросить о том, чего не знаешь, у Влада, чем лезть в электронные и печатные архивы, справочники или в Сеть. Если даже Борисов не ответит сам, то скажет, где именно искать ответ на вопрос. Ошибался он крайне редко, и, как правило, его справки не требовали перекрестного подтверждения.

– Ты чего такой вздернутый? – спросил Влад, окидывая меня взглядом с ног до головы. – Драпал?

– Что, заметно?

Я плюхнулся в соседнее кресло, с наслаждением вытянул ноги, полез в нагрудный карман и неожиданно обнаружил, что сигареты кончились. Черт, вечно я забываю, что курящему человеку надо самому заботиться о своевременном пополнении запасов табака.

– Невооруженным глазом, – Влад выдвинул ящик стола, вынул оттуда пачку и положил на стол. – Правда, мой невооруженный глаз отличается от обычного, как ты понимаешь. На. Кури на здоровье. А может, коньячка? Для снятия стресса, так сказать.

– Отлично. Не откажусь.

В этом весь Борисов. Сам он бросил курить много лет назад, но в ящике стола у него всегда найдутся сигареты для таких, как я... забывчивых. А в шкафу – хороший коньяк. Но справедливости ради заметим, что пить Влад не бросал и при этом с нормальной снисходительностью относится к тому, кто курит рядом с ним в одном помещении.

– Я всегда говорил, что тебе одна из самых паршивых экзегез досталась, – сказал он, доставая коньяк, стаканы и половинку шоколадки «Аленка». – А может, и самая паршивая.

И эта вот «экзегеза» тоже отлично характеризует нашего Влада. Все говорят «альтернативка». И только он употребляет термин «экзегеза», более уместный для какого-нибудь богослова или, на худой конец, филолога, нежели простого Стражника. Хотя, конечно, «простых» Стражников не бывает.

– Да брось ты, – я принял из рук Влада стакан, мы чокнулись, молча выпили и закусили шоколадом. – Везде свои трудности. В том числе, кстати, и у нас.

– Ты хочешь сказать, что тебе нравится быть террористом-бомбистом в эпоху предсмертного социализма?

– Как, как?! – улыбнулся я.

– Эпоха предсмертного социализма, – гордо повторил Влад. – Хм, а ведь неплохо сказал, аж самому понравилось. Надо бы записать.

– Запиши.

– А! – он махнул рукой. – Всего не запишешь. Да и не нужно. Что же касается нас, то главные наши трудности все же позади. Ты ведь уже после 91-го года пришел?

– Ты отлично знаешь, что да. В 92-м.

– Извини. Просто те времена забыть невозможно. И все остальные трудности кажутся теперь пустяковыми.

– Ты так говоришь, – вздохнул я, косясь на бутылку с коньяком, – словно я родился и вырос в какой-то другой стране.

Влад проследил за моим взглядом и немедленно разлил еще по пятьдесят.

– Ну, за счастливое возвращение! – сменил он тему.

– За него, – согласился я.

Мы выпили.

– Так что там у тебя? – спросил он. – Что-то серьезное?

– Да как сказать... Но пострелять пришлось. И вернуться прямо завтра вряд ли получится.

– Убил кого-нибудь?

– Надеюсь, только ранил, – вздохнул я. – Но нет худа без добра.

– ?..

Я рассказал о своей вчерашней встрече с Машей, Никитой и Женей и о том, что произошло дальше. Не особо вдаваясь в детали. Этим я, конечно, нарушал должностную инструкцию (первым о подобных вещах должно узнавать начальство), но, как известно, без нарушения должностных инструкций ни одно дело у русского человека как следует продвинуться не может. А мы были русские Стражники. Те же американцы, как мы знали, не нарушали инструкций. Ну, или почти не нарушали.

– Что ж, – сказал Влад. – Молодежь – это хорошо. Хотя лично меня немного смущает, что ты обнаружил их случайно.

– Как посмотреть, – пожал я плечами. – С чьей-то точки зрения вся наша жизнь – это сплошная цепь случайностей.

– Замкнутая в кольцо безвыходной закономерности, – добавил он.

– Ты сегодня в ударе, – заметил я. – Но не в настроении. Безвыходная закономерность. Надо же... Красиво. Хотя и мрачновато. Не находишь, господин аналитик?

– Да брось ты, – махнул Влад рукой. – Нашел аналитика. Как был я полевым работником, так им в душе и остался. Постарел только. Вот и сижу здесь, у монитора да железного ящика с электронными мозгами. Делаю вид, что сильно занят.

– Что слышу! – засмеялся я. – Вроде и полковая труба не звучала, а старый конь забил копытом. С чего бы?

– Коньяк – великий обманщик, – самокритично заметил Влад. – За это и люблю. А вообще... Может, и в самом деле стоит еще разок потряхнуть стариной?

– Если не боишься, что старина отвалится, то отчего бы и не потряхнуть? – подмигнул я. – Было бы желание и здоровье. Ну и стимул, ясное дело. Что у нас с этим?

– Черт его знает, – вздохнул он. – Хуже всего, как ты понимаешь, со здоровьем. Но и это поправимо. При большом желании и должном стимуле. Как ты верно уже заметил.

Я внимательно посмотрел на Влада и только сейчас понял, что на самом деле мой старый добрый приятель чем-то озабочен. И даже, может быть, слегка взволнован. Сразу я этого не осознал, потому что уж очень был занят собственными переживаниями и мыслями, а теперь, когда посидел, выпил коньячку и пришел в себя, это для меня стало очевидным.

– Эй! – воскликнул я. – Ну-ка, рассказывай давай, что тут у нас происходит.

– Пока ничего, – сказал Влад и, подумав, решительно разлил по стаканам остатки коньяка. – Через два дня, как ты помнишь, общий сбор. Тогда, может, что-то и произойдет. А пока... Понимаешь, кажется, мы обнаружили новую экзегезу. Или, так уж и быть, альтернативку.

– Ни хрена себе, – вытаращился я на него и машинально ухватился за стакан. – Что значит – «кажется»? Когда? Где? Кто?

– Что – зацепило? – на этот раз пришел черед подмигивать Владу.

Я вынужден был согласиться, что таки зацепило. После чего мы допили коньяк, и Борисов вкратце рассказал мне суть дела.

Оказывается, не далее как вчера, когда я был занят переборской рюкзака с патронами в «свой» мир, а затем встретил эту троицу молодых и талантливых, наш соратник и товарищ Гриша Булыгин при попытке шагнуть в одну альтернативку попал в другую. Или ему это показалось. Но показалось так достоверно, что весьма этим удивленный, он немедленно вернулся назад и, как и положено по инструкции, доложил начальству. Начальство у нас правильное и реагирует быстро. На помощь Грише немедленно был отряжен дежурный «щупач» Оля Ефремова, которая и определила, что Гриша, скорее всего, действительно умудрился провалиться в альтернативку, о которой мы до этого ничего не знали. В общем, скорее всего, назревает сенсация, а сейчас, то есть и сегодняшней ночью, идет окончательная проверка. Потому что последний раз, как мы все помним, новый альтернативный мир обнаруживали больше ста лет назад, и некоторые вообще были уверены в том, что все они нам известны и других уже быть не может.

– Чем новая альтернативка отличается от нас, мы, конечно, пока не знаем, – уверенно предположил я, когда Влад закончил. – Но ты уже встрепнулся, потому что свободных полевых Стражников у нас нет. Так?

– Черт его знает, – признался честно Влад. – С одной стороны, вроде бы и так. Но с другой... Я и сам еще ничего не решил. А если бы и решил, то неизвестно, как к этому начальство отнесется. Опять же и ты говоришь, что талантливых новеньких обнаружил случайно.

– Новеньких еще уговорить надо, – сказал я. – Не мне тебе объяснять. А потом, если согласятся, учить и учить. Но ты, Влад, все равно не бери в голову. И кончай ныть. С одной стороны... с другой стороны... Тьфу. Мне даже странно тебя слушать, честное слово. Такого работника, как ты, у нас никогда не было, и я не уверен, что вообще когда-нибудь будет. Кого хочешь спроси. Нет уж, лично я все сделаю для того, чтобы ты ни в какую альтернативку снова не отправился. И новеньких уговорю, и натаскивать их буду с утра до ночи. Самолично. Как мы здесь без тебя, сам подумай? На тебе же одном здесь все держится! Вся информация, аналитика, связи, ниточки... да о чем говорить! Нет уж. Разве что на недельку, чтобы встряхнуться и мозги прочистить. В качестве отпуска, так сказать. И отдыха. Но – не больше. На большее лично я категорически не согласен. Так что учти и не обижайся, ежели что.

– А почему это я должен обидеться? – неуверенно улыбнулся Влад, который явно не ожидал от меня столь страстного монолога в защиту его явных и скрытых достоинств.

– Потому, что, если начальство спросит мое мнение по данному вопросу, я его обязательно выскажу. В том виде, в котором только что предъявил тебе.

Влад хмыкнул, и мне показалось, что я все-таки сумел поднять его самооценку на должную высоту. Во всяком случае, на ближайшее время. А там видно будет.

Если бы я не пил коньяк, можно было бы взять одну из наших дежурных машин. Но садиться за руль выпившим было не в моих правилах, а посему, выйдя из Приказа, я прошел к Никитским воротам и там уже поймал частника, который и отвез меня домой за вполне приемлемую сумму денег. В этот ночной час машин на улицах было немного, и дорога заняла минимум времени.

Уже отворив дверь в квартиру, я подумал о том, что надо было зайти в ночной магазинчик и купить что-нибудь пожарить. Но возвращаться не хотелось. Хотелось принять душ, залезть в кровать и спать до тех пор, пока сам не проснешься. Без всяких будильников. Что же касается жратвы, то, кажется, в холодильнике с прошлого раза должны были остаться какие-то сосиски. И пакетик-другой гречневой каши тоже может в доме найтись. Легко. А хлеб в данном случае – это роскошь. Обойдемся без хлеба.

Так и получилось.

Душ, скромный ужин, чай, сигарета, постель. Уже засыпая, я подумал, что надо бы уже завтра посоветоваться с начальством по поводу Никиты, Маши и Жени, но до конца эту мысль додумать не успел – сон накрыл меня с головой и перенес в тот удивительный и альтернативный мир, куда есть дорога не только Стражнику, но и любому человеку.

Глава 7

Стражники Внezerкалья. Вербовка

Какая бы приятная и любимая мелодия ни служила в твоём телефоне звонком, она и воспринимается именно как звонок. Внезапный и настырный. Особенно утром в субботу, когда ни один добрый и порядочный человек звонить не станет, зная, что хозяйка легла накануне весьма поздно, если не сказать – рано, и к тому же не одна...

Заткнись, пожалуйста, меня нет.

Нет, не умолкает. И почему, спрашивается, я его не отключила? Идиотская привычка – всегда быть на связи. Просто добровольное рабство какое-то. Зависимость чистой воды. Ну надо же, какой настойчивый. И кто это, интересно, может быть в такое время?

Маша разлепила глаза.

Так, судя по солнцу, настойчиво пробивающемуся сквозь занавески, сейчас около десяти часов утра. Совсем с ума посходили – звонить бедной девушке в такое время.

– Швырни его в окно, а? – прошипел вчерашний избранник, а затем и любовник, натягивая на голову одеяло.

– Какие мы жестокие. И где наша нежность? – вслух удивилась Маша, перевернулась на бок и цапнула телефон. – Алло!

– Доброе утро! – смутно знакомый мужской голос был бодр, свеж и даже, кажется, весел. Убила бы.

– Вы уверены?

– Как бог свят. Достаточно выглянуть в окно.

– Ага. Сейчас. В чем есть, в том и выгляну.

– Понял. Маша, это вас Мартин беспокоит.

– Кто? Ох, простите, Мартин, сразу не признала, – она проснулась окончательно, ухватила предусмотрительно оставленную с ночи на тумбочке открытую бутылку минеральной воды и сделала несколько бесшумных глотков. – А мы с мальчишками как раз недавно о вас говорили.

– Замечательно. И что же именно вы говорили?

– Да вот гадали, когда вы позвоните. И позвоните ли вообще.

– А были сомнения? Четыре дня всего прошло. Сегодня пятый.

– Сомнения всегда есть. До тех пор, пока их не разрешат.

– Что ж, вот я и разрешаю. Маша, неплохо бы нам всем сегодня встретиться. У меня для вас есть серьезное предложение, но это не телефонный разговор.

– Угу... Хорошо. А Никите и Женьке вы звонили уже?

– Да. Они согласны.

– А... во сколько? И где?

– На том же месте в тот же час устроит? – осведомился Мартин.

– В два часа на Патриарших, – догадалась Маша. – Да, вполне устроит.

На этот раз первым пришел Мартин и спокойно ждал их с газетой «Известия» в руках на той же самой лавочке, на которой не так давно поджидали его они. Ну, конечно, не на той же самой, если подходить к вопросу буквально, но расположенной приблизительно в том же месте очень похожего мира.

В этот погожий субботний день конца августа народу на Патриарших было немало, но лавочку, на которой сидел Мартин, больше никто не занимал. словно люди инстинктивно сторонились моложавого седого мужчины в потертых джинсах и обычном пиджаке поверх не менее обычной майки.

– Вы специально для нас место держали? – осведомилась Маша. – Здравствуйте, Мартин.
– Привет! – откликнулся Мартин, складывая газету. – Нет, конечно. Присаживайтесь. Это может показаться странным, но со мной так всегда. Люди садятся рядом со мной лишь в том случае, если уж совсем деваться некуда, а ноги устали. Я уже и дезодорант менял – не помогает.

Маша засмеялась.

– Ерунда! – безапелляционно и громогласно заявил Женька, плюхаясь на лавочку и забрасывая ногу на ногу. – Дело не в дезодоранте.

– А в чем? – поинтересовался Мартин. – Мне было бы крайне любопытно узнать. А то ведь эдак недолго и комплекс неполноценности заработать.

– И это вряд ли, – заверил Женька. – Основные комплексы, как я считаю, вырабатываются у человека в молодости.

– Вот черт, – сказал Мартин, подмигивая Маше. – Даже в комплексе неполноценности нам, старикам, молодежь уже отказывает. Прямо обидно!

– Бросьте, Мартин, – присоединился к разговору Никита. – Зачем он вам нужен, комплекс этот? Я мало встречал в жизни более уверенных в себе людей, чем вы.

– Спасибо. Но люди, как видите, рядом со мной стараются не садиться. Не говоря уже о молоденьких девушках.

– Ну конечно, – делано возмутилась Маша. – Девушки – не люди. Но вы, Мартин, не переживайте – Женя прав, и дезодорант здесь ни при чем. По-моему, вы действительно кажетесь очень уверенным в себе. Даже слишком. Вот вас и опасаются на уровне инстинкта. Мало ли что. Лучше держаться подальше.

– Час от часу не легче, – притворно вздохнул Мартин. – Но бог с ней, нашей доморощенной психоаналитикой. Расскажите лучше, как ваши дела.

– В каком смысле? – спросила Маша.

– В смысле довольства жизнью и собственным в ней... местом.

– Ой, Мартин, я вас прошу, – Маша скривилась, будто от лимона. – Вот сейчас мы все бросим и начнем вам рассказывать о своих ожиданиях и предпочтениях.

– Планах на будущее, – добавил Женя.

– И потаенных мечтах, – закончил Никита.

– Ну-ну, – сказал Мартин. – Не лезьте в бутылку. Я ведь все равно не поверю, что вас никак эмоционально не затронула происшедшая с вами пять дней назад история. Нет, конечно, я знаю людей, которые, случись с ними подобное, решили бы, что все это досадное недоразумение. Сбой программы. О котором следует как можно скорее забыть. Но вы к данному типу индивидуумов не относитесь.

– Ага, – ухмыльнулся Женька. – Вы еще скажите, что мы относимся к типу романтиков. То-то поохочем.

– Романтики – не модное слово, – вздохнул Мартин. – Но ничего странного. И тем более страшного. У каждого времени свои слова. И наоборот: у всякого слова – свое время. Впрочем, речь не о романтизме.

– А о чем? – спросила Маша.

– Скажем так... об интересе. О взаимном интересе, не скрою. Такая формулировка вас устроит?

– Вполне, – сказал Никита. – Как говорится, в духе времени.

– Да, – поддержал товарища Женька. – Слово «интерес» мне нравится.

– И мне тоже, – сказала Маша.

– Вот и замечательно, – произнес Мартин. – Значит, вы готовы меня выслушать?

– Мы для этого и пришли, – заверила его Маша. – Давайте, Мартин, излагайте, мы само внимание.

И Мартин начал излагать.

Голос у него был негромкий, но звучный. Как раз такой, что сидящим рядом с ним на лавочке Маше, Никите и Женьке все было прекрасно слышно, а вот случайный прохожий в лучшем случае разобрал бы лишь отдельные слова.

– Неизвестно, кто и когда первым открыл дорогу во Внезеркалье – систему параллельных миров, в каждом из которых история человечества складывалась по-своему. Ясно было только, что случилось это очень давно. Вполне возможно, что отдельные люди знали туда путь еще в эпоху Древней Греции, а скорее всего, и раньше – есть тому косвенные свидетельства. Но если говорить о Руси, то документально и бесспорно появление Стражников фиксируется во времена Ивана Грозного. То есть в середине XVI века. Примерно в то же время, когда возникает и опричнина...

– Появление... кого? – переспросил Никита.

– Стражников, – повторил Мартин. – Так мы себя называем. Стражники – это те, кто следит за событиями в альтернативных мирах. Ходит в них, живет там и работает.

– Воюет, – подсказала Маша.

– Бывает, приходится и воевать, – согласился Мартин.

– Альтернативные миры, значит, – хмыкнул Женька. – И каждый со своей историей. Читали фантастику, читали, как же. Вот уж не думал, что это может оказаться реальностью. Честно сказать, в жизни бы вам не поверил, если б не видел другую Москву своими глазами и не провел в ней сутки. Хорошо, ума хватило держать язык за зубами.

– Художники, к которым, несомненно, относятся и многие писатели-фантасты, сами не знают зачастую, насколько близко и точно изображают или описывают истинное положение вещей, – сказал Мартин. – Что же касается языка за зубами, то я был уверен в вашей сдержанности. Умному человеку неприятности не нужны, а вы произвели на меня впечатление умных людей.

– Неприятности? – приподняла брови Маша. – И какого же рода?

– Разного. Например, никому не хочется, чтобы его принимали за сумасшедшего. Или за лжеца.

– Отчего же? – не согласился Женька. – Сейчас полно средств массовой информации, которые с удовольствием ухватились бы за подобную тему. Это я вам как журналист говорю.

– Вероятно. Но кто в наше время верит журналистам?

– Как это... – даже несколько растерялся Женька. – Серьезным и честным – верят.

– Серьезный и честный журналист никогда за подобную тему не возьмется, – сказал Мартин. – Как раз потому, что не поверит, что такое бывает на самом деле. А если и возьмется, то мы уговорим тему оставить и взять другую.

– Плохо вы, как видно, знаете серьезных и честных журналистов, – пробормотал Женька. – А насчет уговорим... Кажется, я догадываюсь, с помощью каких аргументов вы можете уговорить. Видел в понедельник вечером. Там, на трассе.

– Напрасно вы так, Евгений, – поморщился Мартин. – Хотя мне и понятен ваш профессиональный запал. Но все равно – напрасно. Вы же ничего о нас пока не знаете. А уже пытаетесь судить.

– Сами же сказали, что Стражники и опричнина одновременно появились, – не растерялся Женька. – Вот я и провел... эту... параллель. Сам бог велел проводить параллели, когда речь идет о параллельных реальностях и альтернативных мирах!

– Да уж! – засмеялся Мартин. – Хорошо подвешенный язык, который к тому же вовремя остается за зубами, в любом деле может пригодиться. В том числе и нашем.

– По-моему, мы ушли в сторону, – заметил Никита.

– Ничего страшного, – сказал Мартин. – Мы ведь беседуем. И я отлично помню, на чем остановился. Итак, продолжим?

– Извольте, – вырвалось у Маши.

– Неужто я выгляжу таким старым? – удивился Мартин. – Н-да. Вероятно, надо срочно принимать меры. Но я не буду. Пусть все идет своим чередом. В том числе и перемены. Тем более что именно перемены интересуют нас, Стражников, в первую очередь.

– Почему? – спросил Никита.

– Потому что перемены – это признак движения, развития. Или, наоборот, деградации. А мы не заинтересованы в деградации любой из альтернативок. Опыт показывает, что между всеми мирами существует глубокая причинно-следственная связь. На первый взгляд она не очень заметна, но тем не менее ее наличие не вызывает сомнений. На практике это приводит к тому, что нам не хотелось бы, скажем, проверять, что получится, если один из миров погибнет в пламени всеобщей ядерной войны. Вполне вероятно, что подобная катастрофа так аукнется в нашем мире, что мало не покажется никому. Зависимость, конечно, не прямая. Но она есть. Вот Стражники и стараются по мере сил работать со всякими изменениями и переменами. Нужные подтолкнуть и ускорить. Ненужные притормозить или вовсе остановить.

– Поэтому вы и на стороне бомбистов-террористов на той Земле? – догадался Женька.

– В общем, да, – сказал Мартин. – Предвидя ваш следующий вопрос, сообщаю, что «полезность» или «вредность» того или иного события определяется нашими аналитиками, в распоряжении которых имеется не только вся доступная информация, но и специально разработанные мощные современные компьютерные программы, основанные на богатейшем фактологическом материале и опыте прошлых поколений Стражников. Уф, сказанул-то как, а?! Прямо будто по-писаному. Проще говоря, есть у нас методы, есть. Не всегда они безошибочны, врать не стану, но в большинстве случаев, хочется надеяться, срабатывают как надо.

– Надо – кому? – спросила Маша.

– Нам, конечно. Тем, кто живет на этой, коренной, Земле.

– Ага, – сказал Никита. – Значит, наша Земля, на которой мы в данный момент находимся, все-таки коренная?

– На самом деле понятие «коренная Земля» в достаточной мере условно, – признался Мартин. – Тем не менее существует способ, как, например, отличить жителя нашего мира от жителя альтернативки.

– И какой же? – осведомился Женька.

– Очень простой. Обитатель альтернативного мира не может долго находиться в мире нашем. Сутки. Максимум – двое. Потом наступает... скажем так, развоплощение.

– Прямо термин из фэнтезийного романа, – заметила Маша.

– Он точен, – сказал Мартин. – Поэтому используем его.

– Развоплощение... – повторил задумчиво Женька. – То есть они гибнут?

– Можно, наверное, и так сказать.

– А мы?

– Что? – не понял Мартин.

– Сколько времени можем находиться в этой, как вы говорите – альтернативке, мы, жители коренной Земли?

– Без ограничений, – сказал Мартин. – Иное дело, что не всякий житель нашей Земли может самостоятельно попасть в альтернативный мир. И вот здесь-то мы и подходим к самому главному.

Он достал сигарету, закурил и некоторое время молчал, следя за быстро тающим в солнечном московском воздухе табачным дымом.

– Обычно, – наконец вымолвил Мартин, – мы заранее подыскиваем тех, кто мог бы стать Стражником. Есть определенный набор качеств, который с большой вероятностью показывает способность человека к прохождению во Внезеркалье. Но с вами вышло случайно. Так бывает. Очень редко, но бывает. И есть подозрение, что таковой способностью обладает каждый из вас.

В большей или меньшей степени. А это уж совсем уникальный случай. Опять же, вы дружны между собой, молоды, относительно здоровы и, как нам кажется, весьма обучаемы. Поэтому у меня к вам вопрос. Никита, Мария и Евгений, скажите, пожалуйста, не хотели бы вы сменить работу?

– Насколько я понимаю, – догадался Никита после непродолжительного молчания, – вы предлагаете нам вступить в ряды... Стражников?

– Да, это я вам и предлагаю, – кивнул Мартин.

– А от чьего имени?

– От своего и всей нашей организации.

– От своего?

– Конечно. Так как именно я вас обнаружил, имел с вами дело, и мне поручено сделать вам это предложение.

– И что, – поинтересовался Женька, – у вас вполне легальная организация?

– Абсолютно, – сказал Мартин. – Хотя официально мы занимаемся торговлей и финансовыми операциями. В общем, бизнесом. И он вполне легален. Не волнуйтесь. У вас, если мы подойдем друг другу, будет очень приличная зарплата и, как принято говорить, полный социальный пакет. Включая медицинскую страховку, оплачиваемый отпуск, больничный лист и прочие блага.

– Если подойдем друг другу... – повторила вслед за Мартином Маша. – А можем еще и не подойти?

– Конечно. Мы ведь не уверены пока на сто процентов в ваших способностях, умениях и человеческих качествах. Мало уметь проходить во Вnezеркалье. Надо еще и уметь там жить, быстро адаптироваться к новым условиям, не выделяться среди местного населения. Работа Стражника во многом похожа на работу разведчика. Или, если угодно, прогрессора. Если это слово вам о чем-то говорит.

– Знаем, читали Стругацких, – сказал Женька. – А почему Вnezеркалье, а не, скажем, Зазеркалье?

– Потому что Зазеркалье придумал Льюис Кэрролл, – ухмыльнулся Мартин. – А у нас миры не придуманные, а настоящие. Хотя абсурда везде хватает. И веселого, и не очень. Почему именно Вnezеркалье... Кто-то когда-то так назвал, оно и прижилось. Емко, красиво и в целом по существу дела. Что еще надо?

– Действительно, – согласился Женька.

– Неожиданно все это, – сказала Маша.

– Ошеломительно, – подтвердил Никита. – Хотя меня трудно ошеломить.

– Но заманчиво, – признался Женька. – Правда, я вообще быстро загораюсь. Профессия такая.

– Скучать уж точно не придется, – пообещал Мартин. – Может быть, вам нужно время подумать?

– Думай не думай, а сто рублей не деньги, – сказала Маша. – Это папа мой так говорит.

– Была такая поговорка, – кивнул Мартин. – Отлично ее помню. Так, значит, что?

– Значит, что лично я согласна, – сказала Маша.

– Была не была, – махнул рукой Женька. – И меня запишите.

– Уж больно предложение интересное, – промолвил Никита. – Очень трудно отказаться. Поэтому и я согласен. Но с условием, что в любой момент смогу уволиться.

– Насильно никого не держим, – заверил Мартин. – Но увольняться вам не захочется. Можете мне поверить.

– Только у меня еще один вопрос, – сказала Маша.

– Один? – весело глянул на нее Мартин.

Женька и Никита рассмеялись.

– Ну... один животрепещущий, – уточнила она. – Возможно ли в этих мирах встретить самих себя? И что будет, если это произойдет?

– Это уже два вопроса, – констатировал Мартин. – Но не будем мелочны. Если коротко, то – да, возможно. В тех мирах, где есть ваши, так сказать, альтер эго. Мы их, кстати, так и зовем – альтеры. Всех обитателей альтернативок. По аналогии, понимаете?

– Да чего уж тут не понять, – сказал Никита. – Мы, значит, люди. Ну а они, соответственно, альтеры. Все понятно.

– Эх, молодость да горячность, – вздохнул Мартин. – Все бы вам поспешные выводы делать, ярлыки вешать. Все-то вы знаете, ни в чем-то вы не сомневаетесь. Отсюда и шишки. Ладно, сами потом поймете, что так удобнее. Мой альтер, твой альтер... «Встретил, знаешь ли, вчера твоего альтера на Тверской, – говорит мне как-то коллега. – Выглядит, прямо скажем, хреново. У тебя все в порядке?» – Он хмыкнул. – Ничего страшного после такой встречи не происходит, не беспокойтесь. Именно потому, что это не вы, а другой человек. Очень похожий, но другой.

– Альтернативный, – сказал Женька.

– Вот именно. Альтер. Но вообще-то, есть специальный курс по основам поведения в альтернативном мире, куда все эти и другие заморочки входят.

– И нам его предстоит прослушать? – спросил Никита деловым тоном. Он уже жалел о своих поспешных словах и теперь старался как-то сгладить неловкость.

– И не только его, – сказал Мартин. – Сразу вас на задание никто не отпустит, и не мечтайте. Сначала придется поучиться.

– Снова учиться, – сморщила нос Маша.

– По-другому в настоящем деле не бывает. – Мартин поднялся со скамейки и потянулся. – А дело у нас настоящее. Засиделся я что-то... Ну что, пошли?

– Куда? – спросил Женька.

– Знакомится с новым местом работы, – сказал Мартин.

– Суббота же сегодня! – с притворным возмущением воскликнула Маша.

– Ну, вы же сами говорите, что читали Стругацких, – подмигнул Мартин. – Так что для вас не должно быть большим сюрпризом, что понедельник уже начался. И привыкайте. У Стражников выходных дней не бывает. За редким исключением. Да и сам рабочий день у нас ненормированный.

Он махнул им рукой и, не торопясь, направился в сторону Спиридоновки, уверенный, что друзья немедленно последуют за ним. И они последовали.

Глава 8

Камни и Окна. Начальство обеспокоено

Существуют две основные гипотезы о происхождении Камней Внezerкалья. Тех самых, с помощью которых нам удастся проникать в альтернативные миры. То есть проникаем мы, разумеется, через Окна, но они напрямую связаны с Камнями, поэтому о последних и речь. Точнее даже, я бы сказал не гипотезы, а версии. Одна, как водится, космическая, а вторая – земная.

То есть первая объясняет все тем, что черт знает сколько миллионов лет назад Земля подверглась довольно интенсивной, но не очень мощной астероидно-метеоритной атаке. Не очень мощной, потому что иначе остались бы до сих пор заметные следы, а их нет. А интенсивной, потому, что Камни обнаруживаются на всех континентах. За исключением Антарктиды, но там никто не искал, а случайно наткнуться на Камень сложно даже в населенных местах. В Антарктиде же какое население? Одни полярники в редких местах на побережье.

И была это не просто метеоритная атака, коих планета наша за четыре с половиной миллиарда лет существования выдержала несметное количество, а особая атака особыми метеоритами. Теми самыми, которые мы теперь и называем Камнями.

На самом деле та еще гипотеза. В ней столько натяжек и несуразностей, что все и перечислять не хочется. Тем не менее до сих пор находятся вполне серьезные и на первый взгляд здравомыслящие люди, которые уверены в том, что так все и было.

По второй же версии, которая с научной точки зрения гораздо солиднее и лично мне как-то ближе, Камни образовались в теле нашей планеты сами. Под действием тех или иных геологических процессов. А появившемуся на Земле человеку со временем осталось только их обнаружить и, так сказать, воспользоваться.

И у первой, и у второй гипотезы-версии, как я уже говорил, есть свои сторонники и противники из тех немногих ученых, которые посвящены в тайну Внezerкалья и знают о существовании Окон. Хватает и фактов, и теоретических выкладок, неопровержимо, казалось бы, подтверждающих ту или иную версию-гипотезу. Но воз и ныне там. Споры идут, новые аргументы выдвигаются и опровергаются, а победить окончательно не может никто.

Впрочем, это меня не особо удивляет – в науке такое уже бывало не раз и будет еще неоднократно. А вот что меня удивляет и даже изумляет неизменно, это само существование Внezerкалья и Окон, которые ведут в альтернативные миры. Ну и, конечно, сами эти миры, в каждом из которых история течет чуточку, а иногда и совсем иначе, чем здесь, у нас, на коренной Земле.

Вообще, с Камнями этими все очень не просто. Они чаще всего имеют в своей основе кремний и образуют кристаллические структуры. Обычно – это кварц и его производные. Обычно, но не всегда. И не всякий кварц – Камень, иначе мы бы на каждом шагу проваливались в альтернативки. Но что именно делает те или иные кристаллы того же кварца Камнями Внezerкалья, загадка. Тем более что они очень редко располагаются близко к поверхности и сочетают в себе все свойства, чтобы образовать полноценное Окно.

Потому что Окна бывают разные.

Абсолютное большинство из них работает только ночью и только в полнолуние. Ну, еще в ночь перед ним и в ночь сразу после него. Итого – три ночи в месяц. Это в лучшем случае, но гарантированно – одна. Объясняется сей феномен вовсе не какой-нибудь средневековой мистикой, а свойствами магнитного поля Земли. Впрочем, и это всего лишь гипотеза, а на самом деле, черт его знает, отчего так происходит. Потому что есть Камни, которые работают круглый год. И днем и ночью. Мало того, они такого размера, что их можно всегда иметь при

себе и переноситься в нужную тебе альтернативку из любого места Земли. Правда, отнюдь не всякому Стражнику это под силу. Да и Камней таких на всей планете – раз, два и обчелся.

К чему я это все? Просто, когда шеф вызвал меня к себе и предложил воспользоваться таким вот переносным Камнем, имеющимся в распоряжении нашего Приказа, я натурально оторопел. Уж больно редкая и бесценная это штука – мало ли что случиться может? Поэтому используют его в самых пиковых ситуациях, и на моей памяти такое происходило всего несколько раз, когда Стражников по тем или иным причинам требовалось срочно вернуть домой. Нынче же расклад был совершенно иной, хотя и, несомненно, уникальный. Но все по порядку.

К моменту вызова шефа я находился дома уже больше недели и, кажется, успел всем в Приказе надоесть. Оно и понятно – нет ничего хуже, чем откровенно скучающий Стражник, которому необходимо пересидеть в родном мире нелегкие времена его альтернативки. Нелегкие, понятно, в первую очередь для него самого.

На самом деле неприятности, подобные тем, что случились со мной, не слишком часто бывают, мы все-таки стараемся очень уж активно и напоказ не вмешиваться в события альтернативных миров. Но тем не менее время от времени это происходит. Мало того, не такая уж и редкость, когда Стражники, сразу не учувшие опасность или проигнорировавшие ее, получают серьезные увечья, а то и вовсе гибнут. У нас даже специальная Книга Памяти имеется, куда золотым пером и каллиграфическим почерком заносятся имена героев (а чаще просто неосторожных и неразумных молодых идиотов) и обстоятельства их гибели.

В целях воспитания и назидания.

Читай, запоминай и постарайся не наступать на те грабли, которые уже зашибли до смерти твоих предшественников. Иногда это помогает, иногда – нет. Все-таки человек, даже очень хорошо натасканный и обученный, на редкость любопытное и легкомысленное существо и, пока сам не совершит кучу ошибок, настоящего ценного опыта не приобретет.

И относится это, кстати, не только к человеку молодому. Взять меня. Не мальчик ведь уже. Но, если внимательно и вдумчиво проанализировать мои действия в «советской» альтернативке за последние пару месяцев, то выяснится, что очень многих нелепостей и откровенных глупостей можно было избежать. И тогда не слонялся бы я сейчас дома без дела, не зная, чем себя занять, а честно выполнял свой долг там, куда был послан волей судьбы, наших аналитиков и начальства. Впрочем, начальство здесь стоило бы поставить на первое место.

Хотя, если посмотреть с другой стороны, то не соверши я, так скажем, грубейшую оплошность на лесной дороге той дождливой ночью, то вряд ли бы к нам пришли Никита, Маша и Женя – ребята, несомненно, очень способные и отличные Стражники в перспективе.

– Бездельничаем? – риторически осведомился шеф, когда я вошел в его кабинет.

Шеф у нас правильный. Классический, я бы сказал, шеф. Даже, пожалуй, типичный, если рассматривать его отстраненно, как, например, литературный или кинематографический образ. Зовут его Сергей Михайлович. Пятьдесят девять лет, короткий седой ежик, волевой подбородок, двадцать пять килограмм лишнего веса и ясный взгляд голубоватых глаз. Ну, и голос, конечно. Эдакий хрипловатый баритон чертовски уверенного в себе и наделенного властными полномочиями мужчины. Уже не очень молодого, но еще вполне работоспособного. Во всех смыслах этого слова.

– Это вы о ком? – ответил я вопросом на вопрос и – на всякий случай – дежурной улыбкой. – Если, паче чаяния, обо мне, то, поверьте, дел хватает.

– Не поверю, – добродушно пророкотал Сергей Михайлович и показал глазами на ближний к себе стул. – Присаживайся. Кофе хочешь?

– Тошнит уже, – признался я. – Три чашки за сегодня, а время, сами видите, еще даже и не обеденное.

– Вот, – констатировал он. – А говоришь, дел хватает. Знаю я твои дела – все они в первые три-четыре дня закончились, теперь же видимость одна осталась. Пыль в глаза начальству.

– Ага, – подтвердил я. – Вы еще скажите, что мне зря зарплата капает.

– Этого не скажу. Ибо несправедливо. Но в бутылку мог бы и не лезть. Мне же надо с чего-то разговор начинать!

– Вот и начали бы... с дела.

– Ну гляди, – обрадовался шеф. – Сам напросился!

Я тоже усмехнулся, молча ожидая продолжения. И оно не заставило себя ждать.

– Ты о новой альтернативке слыхал? – небрежно осведомился Сергей Михайлович.

– Краем уха, – признался я. – Вы же знаете, Сергей Михайлович, проще дождаться полноценной и официальной информации в той мере, разумеется, которая нам положена, чем пользоваться домыслами. А на общем собрании, который случился в Приказе несколько дней назад, ничего нового по данному факту сообщено, насколько я помню, не было.

– Угу, – буркнул шеф. – Не было тогда еще что сообщать. Фактически. И что тебе известно?

– Немного. Знаю, что обнаружил ее вроде бы Гриша Булыгин, а Оля Ефремова делала проверку. Так?

– Да, так... – Шеф задумчиво посмотрел на меня, достал из лежащей перед ним пачки сигарету и закурил. – Кстати, можешь курить, если хочешь.

– Спасибо, – кивнул я и немедленно воспользовался предложением. Покурить в кабинете шефа – это особый кайф, упустить который было бы грустно.

– Гриша обнаружил, – продолжил Сергей Михайлович, – новую альтернативную реальность, когда шагнул в свою альтернативку. Из привычного своего Окна. Говорит, что сразу почувствовал неладное и вернулся. Честь ему и хвала за это – не всякий бы на его месте сообразил, что попал не в свое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.